

Тайная мать

Автор:

[Шалини Боланд](#)

Тайная мать

Шалини Боланд

Национальный бестселлер Британии

Тонкий психологизм. Абсолютная подлинность. Пронзительный и мастерский авторский стиль. Эта книга рассказывает о самой страшной потере для любой женщины – потере своих детей.

Ты моя мамочка?

Этот невинный вопрос застал Тессу Маркхэм врасплох. Вернувшись домой с работы, женщина обнаружила у себя на кухне маленького мальчика. Малыш уверен: она – его новая мама, потому что так ему сказал Ангел. Но у Тессы нет детей.

Больше нет.

Первый ребенок умер еще при родах, а второго Тесс похоронила совсем недавно. Эта трагедия буквально перевернула ее жизнь. Частые нервные срывы, депрессия, муж ушел к другой женщине. А теперь еще это таинственное появление. Приезд полиции только ухудшает ситуацию: ее небезосновательно подозревают в похищении ребенка, и Тесс вынуждена доказывать свою невиновность. Но как это сделать, если даже самые близкие люди сомневаются в ее словах? Да и сама она, похоже, больше себе не верит...

Шалини Боланд

Тайная мать

Питу

Твое имя означает «скала», и это ты для меня и есть.

Моя скала

Глава 1

Уличные фонари моргают, освещая серый тротуар в лишаях грязного снега и гладкого черного льда. Слякотные лужи жмутся к обочине, ёжась от шипящих, брызжущих колес. Я сосредоточенно гляжу себе под ноги, чтобы не упасть. Рукам было бы теплее, если б я сунула их в карманы пальто, но не могу – они нужны мне, чтобы хвататься ими за стены, заборы, стволы деревьев и фонарные столбы. Очень уж не хочется упасть. Хотя, если подумать, что такого произойдет, если я шлепнусь сейчас на льду? Ну джинсы промочу, может быть, задницу отобью... Не конец света. Бывают вещи и пострашнее. Куда страшнее.

Сегодня воскресенье: неделя на последнем издыхании. Неуютная пауза перед понедельником, когда все придется начинать с начала – снова притворяться живой. Воскресенье – это черная точка на горизонте каждого моего дня, и чем больше дней проходит, тем крупнее она становится. Это воскресенье почти закончилось, и мне от этого легче, но на меня уже накатывает предчувствие следующего. Воскресенье – это день, когда я прихожу на кладбище к детям и, стоя над их могилками, глядя на камни и траву, говорю с ними, не зная, слышат они мою бессмысленную болтовню или мои слова уносит ветер. Что бы ни было на дворе – палящее солнце или проливной дождь, туман или мороз, – я всегда там. Каждую неделю. Каждое воскресенье.

Ледяная жижа брызгает мне в лицо. В кожу как будто впиваются иголки. Я часто моргаю, хватаю воздух ртом. Наконец сворачиваю с широкой центральной улицы

в свою боковую, узкую, где ветру особо не разгуляться. Мой путь к дому размечен яркими пятнами переполненных мусорных контейнеров, ждущих мусорщиков, которые приедут за ними завтра, чуть свет. Отворачиваюсь от окон, за которыми подмигивают и переливаются огнями рождественские елки, напоминая мне о более счастливых праздничных днях. Тех, которые у меня были раньше.

Я почти дошла.

Небольшой террасный дом в одном из северных районов Лондона, где я обитаю, стоит как раз на середине улицы. Толкаю ржавую калитку и снова отворачиваю лицо, теперь от заброшенного садика перед домом: ветер нагнал в него с улицы конфетных оберток и пакетов от чипсов, торчащих теперь между пучками травы и лохматыми кустами. Раз за разом я сую негнущиеся от холода пальцы в сумку, пока они не смыкаются наконец вокруг угловатой связки ключей. Я рада, что окажусь сейчас дома, что уйду с холода, – но все же стоит мне открыть дверь, шагнуть в немую темноту прихожей и ощутить окружающую меня пустоту, как внутри у меня все сжимается.

Хорошо хоть, что в доме тепло. Снимаю пальто, стаскиваю ботинки, бросаю сумку на стол в прихожей и щелкаю выключателем, старательно пряча глаза от зеркала, чтобы не встретиться в нем взглядом со своим тоскливым отражением. Выпить бы сейчас... Я смотрю на часы – двадцать минут шестого. Рано. Значит, буду хорошей девочкой и сделаю себе горячего шоколада.

Странно, но дверь в кухню закрыта. Я даже слегка вздрагиваю – я всегда открываю ее, когда ухожу. Может, пока я входила, ее захлопнул сквозняк? Топаю через всю прихожую к кухне и у самой двери останавливаюсь как вкопанная. В щели под дверью видна полоска света. Значит, там кто-то есть. У меня перехватывает дыхание, я чувствую, как мир вокруг словно замирает на мгновение, прежде чем снова набрать ход. Неужели взломщики?

Прислушиваюсь. Из-за двери доносится голос. Детский. Как будто ребенок у меня на кухне мурлычет песенку себе под нос. Но у меня нет ребенка. Больше нет.

Медленно опускаю ручку двери и толкаю ее вперед, чувствуя, как все мое тело сковывает напряжение. Я едва дышу.

Прямо передо мной сидит маленький мальчик. У него темные волосы, он в светлых голубых джинсах и зеленом джемперке крупной вязки. Мальчику лет пять или шесть, он примостился на стуле у стола для готовки в моей кухне и напевает себе под нос знакомую песенку. Рисует: голова склонена к бумажному листу формата А4, вокруг веер цветных карандашей. Темно-синяя куртка из водоотталкивающей ткани аккуратно висит на спинке стула.

Когда я вхожу, он поднимает голову, и я вижу широко раскрытые глаза цвета шоколада. С минуту мы с ним молча рассматриваем друг друга.

- Ты - моя мама? - спрашивает малыш.

Я прикусываю губу, чувствуя, как земля начинает уходить у меня из-под ног. Чтобы не упасть, берусь рукой за столешницу.

- Здравствуй, - говорю я, чувствуя, как грудь изнутри заливают горячая волна. - Здравствуй. А ты кто же?

- Ты же знаешь. Я Гарри, - отвечает неожиданный гость. - Тебе нравится моя картинка? - Он выставляет перед собой листок, показывая мне рисунок - маленький мальчик и женщина стоят рядом с поездом. - Я еще не закончил. Времени не хватило закрасить как следует, - поясняет он.

- Очень красиво, Гарри. Это ты рядом с поездом?

- Да. - Мальчик кивает. - Это я и ты. Я нарисовал это тебе, потому что ты моя мама.

Что это, я брежу? Или я наконец-то сошла с ума? Этот малыш, такой красивый, зовет меня своей мамой. А я даже не знаю, кто он. Никогда в жизни его не видела. Крепко зажмуриваюсь, открываю глаза и снова смотрю на него. Он здесь, никуда не исчез, только вид у него уже не такой уверенный. Полная надежды улыбка померкла, лобик нахмурился. Глазки блестят слишком ярко. Такое выражение лица мне знакомо - оно всегда бывает перед слезами.

- Так-так, Гарри, - говорю я с наигранной веселостью. - Ты, значит, любишь поезда.

Его улыбка возвращается.

– Особенно паровозы. Они самые лучшие, лучше дизелей. – Его мордашка складывается в гримасу отвращения, и он подмигивает.

– А сюда ты тоже на поезде приехал? В мой дом?

– Нет. На автобусе. Хотя лучше бы на поезде, автобус такой медленный... А еще меня в нем тошнило, чуть-чуть. – Мальчик кладет листок с рисунком на стол.

– А с кем ты приехал? – спрашиваю я.

– С ангелом.

Я решаю, что ослышалась.

– С кем?

– С ангелом. Она сказала, что ты – моя мама.

– Ангел сказала?

Ребенок кивает.

Оглядываюсь – до меня вдруг доходит, что Гарри может оказаться не единственным незнакомцем в моем доме.

– Она здесь? – спрашиваю шепотом. – С тобой здесь кто-нибудь есть?

– Нет, она ушла. Она сказала мне, чтобы я порисовал и что ты скоро придешь.

Я расслабляю плечи, радуясь, что никаких больше чужаков в моем доме нет. Однако ответ на вопрос о том, кто этот маленький мальчик, так пока и не найден.

– Как вы вошли? – спрашиваю я, и тут меня посещает другая тревожная мысль – не ждет ли меня где-нибудь в доме разбитое окно?

– Через парадную дверь, конечно, глупенькая, – с улыбкой говорит малыш и закатывает глаза.

Через парадную дверь? Неужели я оставила ее открытой, когда уходила? Но я уверена, что никогда в жизни не допустила бы такой оплошности. Да что здесь вообще происходит? Надо кому-то позвонить. Властям. В полицию. Кто-то наверняка ищет этого ребенка. И они наверняка сходят с ума от беспокойства.

– Хочешь горячего шоколада, Гарри? – спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно обычнее. – Я как раз собиралась приготовить себе чашечку, так что...

– Шоколада с молоком? – тут же спрашивает ребенок. – Или с горячей водой? С молоком вкуснее.

Я едва сдерживаю улыбку.

– Ты прав, Гарри. Я всегда делаю его только с молоком.

– Класс! То есть да, пожалуйста, – отвечает мальчик. – Я с удовольствием выпью чашечку горячего шоколада.

У меня даже сердце заходится от такой воспитанности.

– Мне продолжать рисовать, – интересуется Гарри, – или помочь тебе? Потому что я очень хорошо умею размешивать шоколад.

– Вот это удача, – отвечаю я, – потому что я-то как раз совсем не умею размешивать шоколад, и это так здорово, что ты мне поможешь.

Широко улыбаясь, ребенок соскальзывает со стула.

Что я делаю? Я должна позвонить в полицию, немедленно. Этого мальчика где-то ищут. Но, Господи, дай мне побыть всего десять минут с этим милым

малышом, который считает, что я его мама! Дай мне немного попритворяться, и я сделаю все как надо. Я уже протягиваю руку, чтобы потрепать его по макушке, но тут же отдергиваю ее. О чем я думаю? Ребенка надо вернуть его настоящей матери – она наверняка уже вне себя от горя.

Мальчик снова улыбается мне, и у меня в груди все сжимается от его улыбки.

– О'кей, – говорю я, а потом набираю полную грудь воздуха и сильно моргаю, чтобы прогнать слезы. – Сейчас будем готовить шоколад. Только я выйду на минуточку в прихожую, позвоню и вернусь. Ладно?

– Ага, ладно.

– Ты порисуй пока еще. Я скоро.

Гарри снова вскарабкивается на стул, берет темно-зеленый карандаш и с видом глубокой сосредоточенности продолжает раскрашивать рисунок. Я поворачиваюсь к нему спиной, иду в прихожую и достаю из сумки телефон. Но вместо того чтобы позвонить в полицию, набираю другой номер. В трубке раздаются два гудка.

– Тесс. – Сказано резко и настороженно.

– Привет, Скотт. Мне нужно, чтобы ты пришел.

– Что? Прямо сейчас?

– Да. Пожалуйста, это важно.

– Тесса, я совсем вымотался, да и на улице черт-те что... Я только сел чаю попить. Это не может подождать до завтра?

– Нет. – Стоя у столика в прихожей, я на миг вижу Гарри сквозь щель в приоткрытой двери. Кудрявая челка закрывает ему один глаз. Может быть, он мне снится?

- Что случилось? - Скотт задает этот вопрос таким же тоном, как всегда. На самом деле он хочет спросить: «Ну что там у тебя опять?» Потому что у меня всегда что-нибудь да не так. Я - его пострадавшая жена, у которой на повестке дня вечно какая-нибудь драма или надуманный кризис. Только теперь ему придется убедиться, что причина реальная и я ничего не выдумала.

- Не могу объяснить по телефону, слишком все странно. Приезжай сюда, сам увидишь.

Я слышу долгий тяжелый вздох.

- Дай мне двадцать минут, ладно?

- Ладно. Спасибо, Скотт. Приезжай, как только сможешь.

Мое сердце колотится, и я никак не могу понять, что происходит. У меня в доме ребенок, который заявляет, что его привел ангел. И говорит, что я его мама. Но он не мой сын. Так откуда же он взялся?

Снова делаю глубокий вдох и иду в кухню. Там тепло, радостно, уютно. Ничего похожего на обычную атмосферу одиночества.

- Можно начинать варить шоколад? - Гарри смотрит на меня сияющими глазами.

- Конечно. Сейчас достану кружки. А ты открывай пока вон тот ящик и бери оттуда самую маленькую кастрюльку, какую только сможешь найти.

Малыш тут же бежит к ящику.

- Гарри, - говорю я. - Где твои родители - мама и папа?

Он смотрит на кастрюльки в ящике.

- Гарри? - окликаю его я.

– Их здесь нет, – говорит мальчик. – Вот эта годится? – Он берет кастрюльку для молока из нержавеющей стали и показывает ее мне.

– В самый раз. – Я киваю и беру ее у него. – Ты можешь сказать мне, где живешь?

Нет ответа.

– Ты убежал из дома? Потерялся?

– Нет.

– Но где твой дом? Или ты живешь в квартире? Где она? Здесь, во Фрайерн-Барнет? В Лондоне? Недалеко от моего дома?

Ребенок хмурится и начинает смотреть на плиточный пол у себя под ногами.

– А фамилия у тебя есть? – спрашиваю я так нежно, как только могу.

Он поднимает голову и смотрит на меня, выпятив подбородок.

– Нет.

Я снова пробую разговорить его, на этот раз присев перед ним на корточки, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

– Гарри, милый, как зовут твою маму?

– Ты моя новая мама. Теперь я буду жить здесь. – Его нижняя губка вздрагивает.

– Хорошо, милый. Не волнуйся. Давай-ка займемся шоколадом, ладно?

Гарри энергично кивает и шмыгает носом.

Легонько пожимаю его руку и выпрямляюсь. Не надо было мне звонить Скотту. И все же мне нужно, чтобы он был рядом, когда я буду звонить в полицию. Сама я не могу иметь с ними дела после всего, что было. Заранее страшусь их приезда –

эти их расспросы, косые взгляды, намеки, как будто я сделала что-то плохое... А я ничего плохого не делала. Или все же сделала?

И Гарри... его же заберут. А что, если родители плохо с ним обращаются? И ему придется идти в приемную семью? Тысячи разных мыслей наполняют мою голову одновременно, одна хуже другой. Но не мне решать, что с ним будет дальше. Тут я ничего не могу поделать, он ведь не мой ребенок.

У меня вообще нет детей. Больше нет.

Глава 2

Мы с Гарри суетимся на кухне, и нам так здорово вдвоем! Так уютно... Как будто всегда так было. Как будто я на самом деле его мама, а он – мой сын, и нет ничего естественнее, чем, придя воскресным вечером домой с сырости и холода, приготовить по чашечке горячего шоколада. Вот сейчас мы сядем перед телевизором, посмотрим какой-нибудь фильм, потягивая вкусняшку, а потом я встану и пойду собирать его назавтра в школу. Потом наберу ванну, помою ему голову, уложу в постель, подоткну одеяльце со всех сторон и прочитаю сказку на ночь... Нет! Прекрати это. Немедленно прекрати. Зачем терзать себя этими несбыточными мечтами?

Мне так хочется заплакать, что даже горло перехватывает, и я вдруг обнаруживаю, что в кастрюльку с горячим молоком капаят мои слезы.

– Что с тобой, мама?

Рукавом футболки я промокаю глаза.

– Ничего, милый, ничего, всё в полном порядке. Просто не могу дождаться, когда же наконец будет готово и можно будет сделать большой хороший глоток.

– Я тоже.

Гарри становится коленками на стул и под моим присмотром начинает размешивать шоколадный порошок большой деревянной ложкой. Затем я разливаю напиток по кружкам, и мы вместе садимся за крохотный кухонный столик. Еще несколько минут наслаждения той жизнью, какая могла бы у меня быть...

Понимаю, что плохо старалась выяснить, откуда взялся Гарри. Надо еще раз спросить о том, кто его родители, где он живет и все прочее в таком духе. Но он уже один раз не захотел отвечать на мои вопросы, а я не хочу его расстраивать. Пусть лучше Гарри спрашивают профессионалы.

Мальчик делает шумный глоток и корчит рожицу.

- Горячий...

- Не спеши, а то язык обожжешь. Подуй на него, пусть чуть-чуть остынет.

- А ты любишь поезда? - спрашивает вдруг ребенок. Его мордашка украсилась шоколадными усами, и я невольно улыбаюсь, глядя на него.

- Очень люблю, - отвечаю я. - Один раз я проехала на поезде всю Францию, а потом еще Испанию и Португалию.

- Ого! И долго ты ехала?

- Много-много дней.

- И ночей тоже? Ты спала в поезде?

- Иногда, - говорю я, вспоминая тесное купе, где мы были вдвоем со Скоттом, в те первые дни нашей любви. В те прекрасные, бездумные дни.

- А мы так можем? - сразу загорается Гарри, а его глаза широко раскрываются в предвкушении приключения. - Мы можем проехать через эти страны и спать там в спальнях мешках?

Мне так хочется сказать ему: да, конечно, можем. Я готова пообещать ему, что мы завтра же купим билеты на паровоз и отправимся в кругосветное путешествие, только я и он. Мы будем ехать по прекрасным местам и махать рукой всем, кто встретится нам на пути. Мы будем разговаривать с разными интересными людьми, и у нас будет собственное купе. Я куплю ему кепку, как у машиниста, а кондуктор даст ему посвистеть в свисток. И нам будет так весело...

- Конечно, Гарри, когда ты вырастешь, то обязательно поедешь, куда захочешь.

- Отлично, - отвечает малыш, уткнувшись носом в шоколад, отчего его голос звучит, как в трубу.

Звонок в дверь, я вздрагиваю.

- Кто это? - спрашивает Гарри, хмуря лобик, и ставит кружку на стол.

- Это, наверное, Скотт, - отвечаю, вставая. - Не волнуйся. Он тебе понравится. Он хороший.

- Ладно.

- Я пойду открою ему дверь, - продолжаю я, - и сразу вернусь. А ты посиди пока здесь, хорошо?

Гарри кивает, лицо у него серьезное.

Выхожу из кухни, прикрыв за собой дверь. Скотт больше не хочет пользоваться своим ключом. Мы расстались и больше не живем в одном доме, но я все же настояла, чтобы он оставил себе один комплект. Ведь это и его дом, был и всегда останется. Но он, когда приходит, никогда не открывает дверь сам, всегда звонит.

Распахиваю входную дверь - на пороге стоит мой хмурый муж, с его куртки течет вода.

– Привет, заходи. Я и не знала, что там такой дождь... – Делаю шаг в сторону, и он проходит мимо меня в прихожую. – Куртку снимешь?

– Я ненадолго, Тесс. Зачем ты меня вызвала? – Его глубокий басовитый голос заполняет собой все пространство прихожей.

– Ш-ш-ш, не так громко, – говорю я, кивая в сторону кухни.

– Что? – спрашивает муж еще громче, чем раньше. – Почему? Там кто-то есть?

– Скотт, пожалуйста...

– Хорошо, – подчеркнуто шепчет он.

– Послушай, – начинаю я. – Я сегодня пришла домой с кладбища...

Лицо Скотта делается еще мрачнее. Он никогда не ходит на кладбище; говорит, что это его угнетает. И что лучше он будет помнить их такими, как при жизни.

– ...и вот, я вошла, а тут, на кухне, сидит маленький мальчик.

Смысл сказанного доходит до Скотта лишь через несколько секунд.

– Маленький мальчик? – переспрашивает он, морща лоб. – О чем ты говоришь? Какой еще мальчик?

– Вот об этом я и хочу тебе рассказать, – говорю, чувствуя, как у меня колотится сердце. – Он и сейчас там. Его имя Гарри.

Скотт вдруг хватает меня за плечи и заглядывает мне в глаза так, словно что-то ищет.

– Тесса, какого черта? Я надеюсь, ты не наделала глупостей?

Стряхиваю с плеч его руки и отхожу в сторону.

– Ничего я не наделала, – отвечаю свистящим шепотом. – Я пытаюсь объяснить тебе, что случилось. Я пришла домой, а он здесь, у нас дома, сидит за кухонным столом и рисует. А еще он спросил у меня, я ли его мама!

– Господи, Тесс... Что ты натворила?

Оттолкнув меня в сторону, муж распахивает дверь в кухню и замирает на пороге, пораженный открывшейся ему картиной: Гарри сидит за столом и возит указательным пальцем по дну кружки, стирая шоколадную пенку.

Я проскальзываю мимо Скотта и встаю за спиной у нашего маленького гостя, чтобы тот не испугался, оказавшись один на один с сердитым чужим дядькой. Но ребенок, похоже, нисколько не оробел. Он долго смотрит сначала на Скотта, а потом снова на меня.

– Гарри, – с наигранной жизнерадостностью начинаю я. – Это Скотт, я тебе о нем говорила.

Тот встает со стула и вытирает липкие пальчики о джинсы. Потом обходит стол кругом и протягивает руку.

– Рад познакомиться, Скотт, – говорит он, и его звонкий детский голосок звучит так уверенно и чисто, что меня прямо подмывает его обнять.

Это со мной Скотт был резок. Перед Гарри же он стоит, раскрыв от удивления рот, и жмет ему руку, точно в забытьи.

– Привет, – хрипло каркает он. – Нам с Тессой надо поговорить сейчас в прихожей, ладно? Мы недолго.

– Тебя зовут Тесса? – спрашивает меня Гарри.

Я киваю.

– Но ты ведь моя мама, да?

Я нерешительно улыбаюсь в ответ, не желая ничего отрицать.

– Ладно, Гарри, – решительно вмешивается Скотт. – Мы на пару минут.

Он хватает меня за руку и выводит из кухни. Его глаза прищурены, а губы плотно сжаты. Закрыв за нами дверь, он набрасывается на меня, выставив перед собой руки, точно рак – клешни.

– Почему этот мальчик думает, что ты – его мама? Откуда он взялся, Тесс? Где ты его взяла?

Я качаю головой.

– Я же тебе говорила. Пришла домой, а он...

– Да, ты говорила: пришла, а он сидит за столом на кухне. Но это же невозможно. Настоящий, живой ребенок не может возникнуть на твоей кухне из ниоткуда, как по волшебству. Где ты его нашла? Скажи мне, и мы во всем разберемся.

Я должна была знать, что Скотт мне не поверит. После всего, что мы с ним пережили, он больше не доверяет мне. И не прикрывает мою спину. Я одна.

Его голос смягчается.

– Я знаю, это жестоко. Знаю, твое сердце разбито всем тем, что с тобой случилось, но так тоже нельзя. Ты попадешь в серьезную беду. Тебя посадят.

– Я нигде его не находила и ниоткуда не приводила. И вообще не делала ничего из того, на что ты сейчас намекаешь, – резко отвечаю я, сжимая кулаки. – Или ты серьезно считаешь, будто я могу украсть у кого-то ребенка после всего, что было с нами? Неужели ты думаешь, что я в состоянии причинить другой матери такую боль? Богом клянусь, я говорю тебе чистую правду. Но раз ты мне не веришь, то...

– Дело не в том, верю я тебе или нет. Может, ты и вправду не помнишь, что сделала. Может... Ну я не знаю. – Широкие плечи Скотта поникают, и он так устало проводит рукой по темным волосам, что сам вдруг становится ужасно похож на маленького, измученного мальчишку.

- Наверное, нам надо позвонить в полицию, да? - говорю я.

- Да. Вообще-то ты должна была позвонить им еще до того, как позвонила мне. И даже вместо того, чтобы звонить мне.

- Знаю. - Я опускаю голову и прикусываю нижнюю губу. Мне стыдно. Свои проблемы я поставила впереди Гарри, впереди его родителей, а значит, поступила плохо, неправильно. И о чем я только думала?

- Позвони им ты, - прошу я Скотта. - Пожалуйста. Я не могу.

Он кивает и достает из кармана мобильник.

- Что мне им сказать?

- Правду, - отвечаю я. - Скажи, что я пришла домой, а он был тут.

- Это звучит ужасно странно, Тесса.

- Зато это правда.

- Хорошо. В смысле, как скажешь.

Я неуверенно киваю - беспомощность буквально захлестывает меня. Этот малыш, которого привел ко мне ангел, скоро исчезнет из моей жизни так же, как исчезло из нее и все остальное.

Глава 3

Они не заставили себя ждать. После звонка Скотта не прошло и десяти минут, как в дверь уже позвонили - настойчиво и официально.

Два офицера – мужчина и женщина, имен я не запомнила – разговаривают сейчас в кухне с Гарри, пока мы со Скоттом ждем в маленькой гостиной, отгороженные друг от друга стеной неловкого молчания. Я сижу на диване, на своем обычном месте, а муж маячит у окна, то и дело поглядывая на улицу, в исхлестанную дождевыми струями темноту. Я прислушиваюсь изо всех сил, стараясь уловить с кухни хотя бы звук, но они, должно быть, говорят очень тихо, так что до меня доносятся лишь редкие басовые ноты мужского голоса. Слов не разобрать.

Что они подумают об истории, которую расскажет им Гарри? Расскажет ли он им то же, что и мне? Когда полицейские только прибыли, я в точности описала им все, что случилось сегодня у меня в доме, а они сразу спросили, где в течение дня были я и Скотт. Он играл в футбол, пять на пять, как обычно, а я ездила на кладбище, одна. Наши ответы они записывали молча, только иногда задавали уточняющие вопросы.

– Ты как? – спрашиваю я у Скотта, который как-то поутих с тех пор, как полицейские заперлись на кухне с Гарри.

– А? – Он поворачивается ко мне.

– Ты как?

– Ничего, по-моему. Просто я немного не так представлял себе сегодняшний вечер.

– Я тоже.

Скотт стискивает зубы так, что я слышу скрежет, и трясет головой. Я знаю, это моя вина, что он так расстроен. Я опять втянула его в то, к чему он не хочет иметь отношения. Может, я действительно зря ему позвонила. В конце концов, этот человек – не моя собственность, даже если он мой муж. К тому же мы с ним разъехались, и он мне ничего не должен. Просто я привыкла обращаться к нему со всеми своими проблемами. Ведь мы всегда поддерживали друг друга. И теперь мне больно осознавать, что моя потребность в нем его раздражает. Что ему хочется быть сейчас не здесь, а в другом месте...

– Спасибо, – говорю я ему.

- За что?

- За то, что приехал, когда я позвала. И что позвонил за меня в полицию.

Скотт отвечает мне грустной улыбкой и проводит ладонью по влажным темным волосам. Его высокий рост и крупная стать обычно производят впечатление внушительности и силы, но сегодня он почему-то кажется мне просто неуклюжим. Как будто комната вдруг стала слишком маленькой для него.

- Как ты думаешь, что с ним теперь будет? - спрашиваю я, подтягивая колени к груди.

- Найдутся его родители, я уверен.

- Надеюсь, что они хорошие люди... А вдруг он от них убежал?

- Он не пропадет, - безразлично замечает Скотт. - Полиция во всем разберется.

Я киваю, но без уверенности.

Глаза мужа расширяются, когда он слышит, как за стеной начинают двигать стулья. Голоса делаются громче, и отворяется кухонная дверь. Я спрыгиваю с дивана и следом за ним иду в прихожую, где уже стоят оба полицейских, а между ними - Гарри. Вид у него несчастный и одинокий. Маленький, заблудившийся мальчик из книжки.

- Мы вам позвоним, - говорит женщина-офицер.

От ее слов у меня в животе как будто что-то обрывается. Что она хочет этим сказать?

- Хорошо, - отвечает Скотт.

- Пока-пока, Гарри, - говорю я. - Мне было очень приятно познакомиться с тобой.

Но ребенок на меня не глядит. И не отвечает. Похоже, он думает, что я в чем-то предала его. Мне хочется сказать ему что-нибудь в утешение, но я не знаю что. А ведь через минуту они уйдут. И будет слишком поздно.

– Вы дадите мне знать, чем все кончится? – прошу я полицейских, внезапно испугавшись, что никогда ничего больше не услышу об этом мальчике. Не узнаю, что с ним стало.

– К сожалению, нам запрещено сообщать такого рода информацию, – говорит мужчина.

– Но...

Скотт предостерегающе кладет ладонь мне на руку, и я умолкаю. Но не могу отвести глаз от бледного личика мальчика, от его опущенных глаз и темных кудряшек.

– Ты не забыл свой рисунок, Гарри? – спрашиваю я. – Ты же не хочешь оставить здесь такую красивую картинку?

Он не отвечает. Куда подевался тот разговорчивый малыш, который еще совсем недавно называл меня мамой?

– Мы спрашивали его, возьмет он с собой картинку или нет, – говорит женщина-полицейский, – но он ответил, что рисовал ее для вас, миссис Маркхэм, правда, Гарри?

Не знаю, может быть, мне показалось, но ребенок как будто кивнул.

– Я буду ею дорожить, – говорю я преувеличенно весело. – Повешу ее на холодильник и буду любоваться ею каждый день.

И опять Гарри ничего не отвечает. Но я надеюсь, он понимает, что я хочу ему сказать.

Полицейский протягивает нам со Скоттом по визитке.

– Мы будем на связи, а вы, если захотите что-нибудь добавить, позвоните нам сами, – говорит он. – Если вспомните что-нибудь важное.

– Обязательно, – отвечает Скотт и добавляет: – Всего тебе хорошего, Гарри. Смотри, береги себя.

И полицейские выходят из дома на сырую, скользкую дорожку. Мальчик семенит рядом с женщиной, его светлая ладошка тонет в ее черной руке. Капюшон куртки лежит у него на плечах, и волосы намокают. Почему они не догадаются надеть ему капюшон? Я стискиваю зубы, но тут же с облегчением вздыхаю, когда сотрудница полиции наклоняется к малышу и натягивает капюшон ему на голову, а потом раскрывает зонт, и они вместе идут под ним к машине сквозь проливной дождь.

Я хочу верить, что Гарри возвращается в теплую, любящую семью, где его крепко обнимут и покроют поцелуями, когда увидят живым и здоровым. Но на сердце у меня тяжело. Скотт отводит меня от двери и закрывает ее за ними. Какое-то время мы тихо стоим, слушая, как барабанит по крыльцу дождь.

– Ну ладно, – говорит муж, – я тоже пойду.

– Ты уже поел? – спрашиваю я. – Я могу что-нибудь сейчас приготовить, если...

– Я лучше пойду, Тесс. Сегодня вечером у меня дома есть еда, да и на улице скверно...

– Да, да, конечно. Ты иди.

В зеркале, висящем в прихожей, я замечаю свое отражение. Лицо в красных пятнах, под глазами темные круги, на голове блондинистое воронье гнездо, увенчанное широкой полосой темных корней с сильной проседью – не той задиристой, яркой, какая бывает у рокеров, а другой – усталой, серой, старящей сразу лет на десять. Неудивительно, что Скотт так спешит смыться. Не хочет даже задержаться и обсудить то, что случилось. Поразмыслить над тем, откуда взялся Гарри и как он оказался на моей кухне. Было время, когда мы с ним открыли бы бутылочку вина и засиделись бы над ней за полночь, беседуя о какой-нибудь странности вроде сегодняшнего приключения... Было, да прошло.

– Береги себя, Тесс, – говорит он и наклоняется, чтобы безразлично клюнуть меня в щеку. Запах его лосьона после бритья ослепляет меня, и мне хочется взять его лицо в ладони и задержать его так, прижавшись своей щекой к его щеке. Чтобы его теплый запах наполнил мои ноздри. Но он уже выпрямляется, открывает дверь. Выходит. Напоследок улыбается, кивает мне и закрывает дверь. Ушел.

Глядя на закрытую дверь, делаю глубокий вдох. Нет, я не позволю себе пойти ко дну. Погрязнуть в пучине жалости к самой себе. Пойду и приготовлю лучше ужин – что-нибудь вкусненькое в качестве утешения. Хотя есть совсем не хочется.

Кухня пуста. Ни звука, ни движения. На столе лежит рисунок Гарри. Я поднимаю его и разглядываю: паровоз, вполне похожий на паровоз, зеленого цвета, только не до конца покрашен. Рядом мальчик с темными волосами и женщина в цветастом платье, с улыбкой на лице.

Я зарываюсь пальцами в волосы. Гарри говорил, что рисует меня, но у женщины на картинке волосы темные, а у меня – светлые. Открываю верхний ящик стола, чтобы взглянуть на карандаши. Вот коричневый карандаш, а вот и желтый, так что он мог бы нарисовать меня похоже...

Зачем я об этом думаю? Мальчик маленький, к тому же он явно перенес какую-то психологическую травму. С ним что-то случилось, вот он и придумал, будто я – его мама; видимо, это как-то помогает ему справиться со своими переживаниями. Возможно, он даже страдает цветовой слепотой. И еще возможно, что я так и буду до конца своих дней теряться в догадках о том, что это было.

Уже собираюсь отправить рисунок в ящик стола вместе с карандашами, но что-то останавливает меня. Я ведь обещала Гарри, что повешу его на холодильник и буду смотреть на него каждый день. Не могу же я нарушить свое слово.

На дверце уже есть один рисунок, прикреплен двумя магнитами в виде фрутков. На нем я, Скотт и Сэм – три счастливых человечка, палка, палка, огуречик – держатся за руки. Снимаю нижний магнит и передвигаю картинку чуть вправо. А потом тем же магнитом прижимаю рисунок Гарри. Делаю шаг назад, чтобы полюбоваться обоими. Надо купить еще парочку магнитов, а то нижние края

будут все время взмахивать, когда я буду открывать и закрывать дверцу.

Открываю холодильник. Нахожу на средней полке кусочек сыра и ссохшуюся морковку. Похоже, придется опять есть тосты с фасолью. Но я тут же вспоминаю, что хлеба тоже нет. Значит, фасоль с тертым сыром – и всё.

Раздается звонок в дверь, и я застываю на месте. Неужели Скотт передумал и решил не оставлять меня сегодня одну? Придется заказать какой-нибудь еды... Я безо всякой пользы приглаживаю волосы руками, кидаюсь к входной двери и широко распахиваю ее – мое сердце часто бьется, на лице готова расцвести улыбка. Но это не Скотт. На пороге стоит моя соседка Карли. Ее каштановые волосы собраны на затылке в высокий хвост. Она держит над головой черно-белый клетчатый зонт и улыбается, сверкая белыми зубами.

– Привет, – говорю я, разочарованно поникая. Могла бы и догадаться, что это не Скотт. А Карли вообще последний человек, с кем мне хочется говорить сейчас.

– Как дела, Тесс? – спрашивает она, и ее уверенный тон неприятно режет мне слух.

Пока я собираюсь с духом, Карли приподнимает свои красиво выщипанные брови, явно ожидая какого-то ответа. Я не понимаю, что она делает на моем крыльце. Раньше, когда Скотт и я еще жили вместе, мы с Карли были подругами. Она живет напротив, въехала почти одновременно с нами. Мы с ней останавливались поболтать, встречаясь на улице, забегали друг к другу на чашку чая, а то и на барбекю, и даже приглядывали за домами друг друга, когда уезжали в отпуск, – она поливала наши цветы, мы кормили ее кошку, и все такое.

А потом Карли стала что-то уж очень приятельствовать со Скоттом. Бывало, я прихожу с работы домой, а она уже у нас, и они сидят, выпивают. Или вдруг вворачивает в общем разговоре что-нибудь такое о нем, чего я не знаю, – например, как с ним случилось что-то забавное, о чем он мне не рассказывал. Я заревновала. Она завела моду брать у нас вещи, а потом забывала отдать. Однажды Скотт даже дал ей денег взаймы, немного. Так что пришлось мне охладить нашу с ней дружбу. Но Карли не из тех, кто понимает намеки. Она продолжала вертеться вокруг нас, лезть в нашу семью. Пока Скотт не ушел. С тех пор я уже не так часто ее вижу. Забавно, если подумать.

– В чем дело, Карли? – говорю я наконец.

– Да так, зашла посмотреть, как ты тут, нормально? – отвечает она. – Видела на улице полицейских, они выводили из твоего дома какого-то маленького мальчика...

– Ах, это... Ничего, спасибо. Я в порядке. В полном порядке. Просто он потерялся, вот и всё. – Назовите меня циничной, если хотите, но соседка зашла точно не затем, чтобы убедиться в моем благополучии, особенно в такую поганую погоду.

– Потерялся? – повторяет Карли, и ее глаза лихорадочно взблескивают. – Тот малыш? Значит, ты его где-то нашла?

Я должна была знать, что она наверняка заинтересуется Гарри. Раньше Карли работала в каком-то таблоиде, но с тех пор, как в Сети бесплатных новостных сайтов стало как звезд на небе, газеты перестали раскупать, и Карли уволили по сокращению штатов. Сейчас она свободный репортер – фрилансер, как теперь говорят, – и, подобно многим другим журналистам, оказавшимся в положении волков, которых ноги кормят, непрестанно охотится за хорошей историей. Как бы мне так повежливее намекнуть ей, чтобы она проваливала? У меня был долгий, мучительный день, и все, чего мне сейчас хочется, – это приготовить себе какой-нибудь еды, поесть и завалиться в постель с книгой, чтобы хоть ненадолго забыть о мире за стенами моего дома.

– Извини меня, Карли, – снова начинаю я. – Но может быть, ты хотела узнать что-то конкретное? Дело в том, что именно сейчас я немного занята.

– Да, конечно. Я хотела выяснить, что случилось с тем малышом, и посмотреть, не выйдет ли из этого хорошая история.

Бинго! Я была права.

– Ничего не случилось. Никакой истории тут нет, – говорю я. Как мне хочется захлопнуть сейчас дверь прямо перед ее наглым, любопытным носом! Только вежливость удерживает меня от этого. К тому же я не хочу никаких сцен на пороге моего дома и не хочу, чтобы она затаила против меня что-нибудь. Хватит того, что есть. – Спасибо, что зашла, побеспокоилась. Очень заботливо с твоей стороны, – добавляю, хорошо зная, что во всем ее эгоистичном, накачанном на

тренажерах теле не найдется и унции искреннего участия.

Соседка делает шаг вперед, так что одна ее нога оказывается в моей прихожей. Вот нахалка!

– Так кто это был? – шепчет она мне тоном заговорщицы, как будто мы с ней подруги – не разлей вода. – Я ведь правда могу сделать из этого отличную историю – возьму у тебя интервью, сделаем тебе прическу, макияж, твое фото появится в газетах... ну, в Сети по крайней мере.

– Я не хочу прическу с макияжем, и фото в газетах тоже не хочу, а уж в Интернете и подавно. Говорю тебе, никакой истории тут нет. Правда, Карли, мне очень жаль, но у меня дела. – Я начинаю закрывать дверь, так что ей приходится убрать ногу. – Спасибо, что зашла, – говорю я в щель, чтобы она не жаловалась, будто я ей нагрубила. А потом захлопываю дверь, замок выразительно щелкает, и я остаюсь в коридоре одна, злая до ужаса, чувствуя, как кровь буквально кипит у меня в жилах. Вот ведь нахалка какая!

Прислоняюсь к двери спиной и замечаю, что у меня дрожат руки – то ли вторжение Карли меня так завело, то ли появление неизвестного маленького мальчика в моей кухне шокировало, не знаю. Да еще эти полицейские... разве они не сказали, что еще позвонят? А зачем, спрашивается? Разве я уже не рассказала им обо всем, что случилось? Или они мне не поверили? В голове у меня туман, мысли путаются. Но я все же делаю еще одну попытку припомнить все события сегодняшнего вечера. Я вернулась домой с кладбища и нашла у себя на кухне мальчика по имени Гарри. Да. Именно так все и было. Или все же нет?

Глава 4

Выволакиваю стремянку из сарая с инструментами, довольная, что сегодня понедельник и можно вернуться к работе. Вчерашнее происшествие с Гарри кажется теперь нереальным. Как будто все случилось с кем-то другим, а не со мной. Зато появление Карли злит меня по-прежнему. С лязгом прислоняя лестницу к стене сарая, я качаю головой, вспоминая ее наглость, и щелкаю замком.

Я работаю в магазине для садоводов под названием «Вилла Моретти» – он стоит на одной улице с моим домом, примерно в миле от него. Моя прекрасная, но краткосрочная карьера ландшафтного архитектора завершилась два с половиной года тому назад, вместе со всей моей жизнью, и мне еще повезло, что я нашла эту работу – есть хотя бы чем по счетам платить.

«Садовый центр Моретти» – это крохотный, но идеально смоделированный кусочек Италии посреди английской субурбии. Зима ему не особенно к лицу, но он все равно мне нравится. Здесь я могу затеряться среди растений, забыть о катастрофе, постигшей мою жизнь, и полностью отдаться выращиванию саженцев, обрезке, черенкованию, пересаживанию и формированию крон. К тому же работа у меня физическая, и к концу дня я выматываюсь настолько, что сплю всю ночь как убитая. А если и не всю, то по крайней мере достаточно долго для того, чтобы утром встать и снова пойти на работу.

К утру дождь совсем перестал, температура достигла почти блаженных восьми градусов, тротуары перестали пугать ледяными проплешинами, а воздух – кусачей стужей. Я беру лестницу под мышку и направляюсь к летней террасе кафе. Она пуста, столики и стулья убраны на хранение. Скорее всего до весны. Пока тепло, надо подрезать зимующую вистерию на решетчатой крыше террасы. Я прислоняю лестницу к столбику террасы, взбираюсь на пару ступенек, вынимаю из кармана шерстяной куртки секатор и принимаюсь за обрезку побегов.

Обычно за такой работой я забываю обо всем на свете, с головой уходя в размышления о том, какую веточку оставить, а какую подрезать и на какую длину. Но сегодня все не так. Образ Гарри, его склоненное над листом бумаги лицо то и дело встает у меня перед глазами. Я опять и опять вспоминаю наш разговор о поездах и о горячем шоколаде и в который уже раз дивлюсь тому, как легко нам было вместе. Где-то он теперь? Вернулся в семью или все еще в каком-нибудь приюте, ждет своих родных, напуганный и одинокий? При одной мысли о том, что он может быть сейчас один, среди чужих людей, в горле у меня встает ком, и делается тяжело в желудке. Хотя, в сущности, я ведь ему тоже чужая...

Спускаюсь с лестницы и передвигаю ее чуть дальше. Хочу подняться снова, но вдруг понимаю, что просто не могу и дальше вести себя как ни в чем не бывало. Не могу спокойно продолжать жить, забыв о Гарри. Ведь была какая-то причина,

по которой он появился именно в моем доме; к тому же он называл меня своей мамой, черт возьми! Нет, надо хотя бы попытаться узнать, что с ним и где он сейчас.

Снимаю перчатки, кладу их на ступеньку лестницы и достаю из кармана телефон. Вот черт, похоже, я оставила визитку полицейских у себя в сумке, а она сейчас в комнате для служащих. Придется сходить за ней туда.

- Доброе утро, Тесс.

Оборачиваюсь и вижу Бена: он идет ко мне с двумя кружками горячего кофе в руках.

- Неужели одна из них - мне? - спрашиваю я.

- А то кому же? - Босс ухмыляется и протягивает кружку, над которой встает парок. - Один американо и... - он достает из кармана бумажный пакет, - ...датская слойка с корицей из кафе.

- Спаситель, - говорю я и только теперь вспоминаю, что даже не завтракала сегодня утром. Кофе пахнет божественно.

- Не могу же я позволить, чтобы мои служащие падали за работой от голода. Особенно если они стоят на стремянках с режущими и колющими инструментами в руках.

Я улыбаюсь. Второго такого заботливого босса, как Бен Моретти, не найти во всей вселенной. Бизнес он унаследовал от родителей, переехавших сюда из Италии в конце шестидесятых. Сами они не так давно отошли от дел и вернулись на родину, в маленький дом недалеко от Неаполя. Но Бен родился и вырос в Лондоне. Теперь ему уже за сорок, но выглядит он как итальянская кинозвезда: черные как смоль волосы и темные глаза. Правда, в душе Бен настоящий тихушник, ничуть не похожий на того стереотипного обходительного мачо, какими наша британская публика представляет обычно всех итальянцев.

Он поднимает брови.

- Выглядишь ты паршиво, не в обиду тебе будь сказано.

- Твое здоровье. - Мои губы изгибаются в саркастической усмешке, но я знаю, он прав. - Не особо много спала сегодня ночью.

- Всё в порядке?

- Долгая история, - отвечаю я. - Но твой кофе со слойкой меня взбодрит. Спасибо тебе.

- У меня есть время; если хочешь, можем поговорить.

- Ага, спасибо, но говорить-то на самом деле не о чем, - отвечаю я. У меня нет сил объяснять, что случилось. Особенно боссу. Не хочу, чтобы он решил, будто я из тех, кто тащит свои проблемы на работу потому, что мне в жизни не хватает внимания. - Но все равно спасибо, что предложил, - добавляю я.

- Да все нормально. Где меня найти, ты знаешь; захочешь, чтобы кто-нибудь тебя выслушал, - приходи.

Я улыбаюсь.

- Еще раз спасибо. - Приподнимаю руки, занятые кофе и слойкой, и протягиваю их в его направлении.

Бен улыбается мне в ответ, а потом поворачивается и уходит обратно в офис.

Покончив с неожиданным завтраком, я продолжаю стричь вистерию. Мне не терпится позвонить в полицию, но уже десять часов, а я так ничего толком и не сделала за утро. Вот закончу со стрижкой, потом проверю, как подвязаны деревья, и в час пойду на ланч.

Несмотря на отсутствие клиентов, следующие три часа проходят на удивление быстро. За все утро нас посещают всего с полдюжины человек, что неудивительно для такой сырой погоды. Еще день-другой, и в садовом центре будет не протолкнуться от желающих приобрести рождественские украшения для дома и зимние растения в горшках, чтобы украсить ими комнаты, где они с

друзьями или родственниками будут отмечать праздник. Я стараюсь не думать обо всех предыдущих Рождествах, когда я сама была частью этой толчеи, обуреваемая желанием сделать свой дом особенно нарядным и уютным. В этом году я наблюдаю предпраздничную суматоху со стороны. Меня она не касается. Я как телезритель, который смотрит передачу о жизни какого-нибудь племени из далекой, чужой ему страны.

Сажу на табурете в теплице и жду, когда меня соединят с кем-то из тех полицейских, что вчера увели из моего дома Гарри. Стекла в теплице запотели, но в одном месте остался просвет, и я вижу сквозь него смутные силуэты двух моих коллег, сидящих в дальнем углу питомника и жующих сэндвичи. Это Джек, старший садовник, и Кэролайн, которая заправляет в магазине. Оба вполне приятные люди, но я как-то не успела сойтись с ними поближе за те девять месяцев, что я работаю у Бена. Наверное, все дело в том, что я предпочитаю одиночество – так для меня лучше.

– Миссис Маркхэм?

При звуке деловитого женского голоса на том конце провода сердце мое начинает бешено колотиться.

– Да, – отвечаю я. – Я Тесса Маркхэм.

– Здравствуйте, говорит детектив-сержант Эби Чибуцо. Я приезжала к вам в дом вчера вечером по вызову.

– Здравствуйте.

– У вас есть для нас какая-то новая информация? – спрашивает сотрудница полиции.

– Гм... нет, вообще-то нет. Я просто хотела узнать, что с Гарри – его вернули семье? Я понимаю, вам запрещено сообщать какие-либо подробности, но я просто хотела...

– Мне очень жаль, но, как мы вам вчера говорили, нам запрещено разглашать какую-либо информацию, касающуюся Гарри.

В глубине души я знала, что не услышу от них ничего нового, и все-таки огорчаюсь.

– Но, – продолжает Эби, – я все равно рада, что вы позвонили. Мы бы хотели, чтобы вы зашли к нам сюда, – нам нужно обсудить с вами кое-какие детали вчерашнего события. Не могли бы вы прийти в участок? Мы только зададим вам пару вопросов – и всё.

Мое сердце грохочет, на лбу выступает пот.

– Вы хотите, чтобы я пришла в участок? Когда?

– Сейчас удобно?

Наверное, раз уж мне все равно придется говорить с ними, то лучше сделать это не откладывая, чем жить с этой мыслью еще какое-то время, но мне ужасно страшно.

– Сейчас? Гм... да, хорошо. У меня сейчас как раз перерыв. А это надолго?

– Точно не скажу. Адрес участка на той визитке, которую мы дали вам вчера.

Визитка лежит у меня на колене, но мне даже не нужно заглядывать в нее, я и так знаю, где это. Совсем недалеко, если идти скорым шагом.

Встаю.

– Хорошо. Минут через десять-пятнадцать я буду у вас.

– Отлично. Спросите меня у дежурного, – говорит моя собеседница. – Детектив-сержант Чибуцо.

– Хорошо, спасибо. До встречи.

Я хватаю сумку и телефон и отправляюсь искать Бена.

«Садовый центр Моретти» построен вокруг двух прекрасных полуотдельных домов XVII века, в которых когда-то давно располагалась богадельня. В одном из них Бен живет, а из другого управляет своим бизнесом, который состоит из небольшого кафе с магазинчиком в нижнем этаже, а также офиса и хранилищ наверху. Я взлетаю по лестнице, перескакивая через две ступеньки зараз, и нахожу его за столом, где он сидит и щурится на какой-то листок через оседлавшие его переносицу очки для чтения.

– Надо бы сходить, получить новый рецепт, – говорит Бен, не поднимая на меня головы. – А то цифры расплываются.

– Отличный предлог, чтобы не платить по счетам, – ехидничаю я.

– Ха, хорошо бы. – Босс смотрит на меня, улыбается и откладывает бумагу. – Всё в порядке?

– Мне нужно выйти на время ланча, – говорю я, не желая вдаваться в подробности, для чего именно. – Правда, я могу немного задержаться. Тогда останусь после работы и все наверстаю. Ладно?

– Конечно, никаких проблем. Нельзя сказать, что у нас сегодня от клиентов отбоя нет...

– Спасибо.

– Пожалуйста. – Бен снова улыбается и делает рукой такое движение, будто выпроваживает меня. – Иди. Поешь что-нибудь. Развлекись.

Если б он только знал!

* * *

Двадцать минут спустя я сижу в комнате для переговоров с теми двумя полицейскими, которые приезжали ко мне вчера вечером, – детективом-сержантом Эби Чибуцо и детективом-констеблем Тимом Маршаллом. Все выглядит очень серьезно и официально – стол, стулья, записывающее устройство. На столе передо мной пластиковый стаканчик с водой. От волнения

у меня взмокли ладони, а за правым ухом часто бьется пульс.

– Тесса Маркхэм, – начинает Чибуцо, – вы не арестованы, но допрашиваетесь по подозрению в похищении ребенка.

– Что?! – вскрикиваю я. – Похищении ребенка? Вы же говорили, что только хотите задать мне несколько вопросов, обсудить еще раз то, что произошло вчера... Ни о каком похищении и речи не было! – Что это, я сплю? И мне снится жуткий, кошмарный сон? Мозги у меня точно размягчились и стали похожи на губку. Полицейские начинают говорить оба сразу, но я не могу понять ни слова.

– Миссис Маркхэм? Тесса? С вами все хорошо? – спрашивает Маршалл.

Я делаю несколько глубоких вдохов.

– Вы что, меня арестуете?

– Нет, – отвечает Чибуцо. – Я же сказала, пока мы с вами только беседуем.

– Но вы сказали «похищение». Вы думаете, что это я похитила Гарри?

– Мы пытаемся выяснить, что случилось, – говорит Эби. – Вы не откажетесь ответить на несколько наших вопросов? Если вам нужна юридическая консультация, то вы имеете на нее право.

– Несколько вопросов? – спрашиваю я.

– Да, – подтверждает сержант.

Я задумываюсь, не выбрать ли мне опцию «юридическая консультация». Но тогда придется ждать, пока они пригласят адвоката. Это может занять уйму времени, а мне надо обратно на работу. Ведь если я задержусь здесь надолго, то придется потом объяснять Бену, почему я опоздала. В конце концов, я ничего плохого не сделала, так что адвокат мне ни к чему. И так прорвусь.

– Я отвечу на ваши вопросы, – говорю я. – Адвокат мне не нужен.

- Уверены? – переспрашивает Чибуцо.

- Да.

Вопросы оказываются теми же, что и вчера. Что случилось, когда я пришла домой, о чем мы с Гарри разговаривали. Отвечать приходится подробно, так что я словно проживаю вчерашний вечер заново, минуту за минутой. Скорее бы все закончилось... Время идет неумолимо – на часах уже почти без четверти два.

- А вот раньше... – Чибуцо заглядывает в свой список вопросов. – Раньше, в две тысячи пятнадцатом году, двадцать четвертого октября, в субботу, вас уже обнаруживали в парке Фрайерн, где вы шли по дорожке, толкая перед собой коляску с трехмесячным младенцем Тоби Дрейпером. Его мать, Сандра Дрейпер, заявила о его пропаже за двадцать минут до этого.

Эти слова для меня словно удар в солнечное сплетение. Эби поднимает голову. Они с коллегой смотрят теперь на меня в упор, и я чувствую, как у меня начинают рдеть щеки.

- Да, – каркающим голосом отвечаю я. – Да, но в тот раз я объяснила полиции, что это было чистое недоразумение.

- Не могли бы вы еще раз рассказать нам, что тогда случилось? – спрашивает Чибуцо.

«Нет, черт возьми, не могла бы!» Ворошить эту болезненную древнюю историю – последнее, чего мне хочется сейчас.

- Что вы помните о том инциденте? – продолжает моя собеседница.

Делаю глубокий вдох.

- Я шла по парку и вдруг увидела коляску – она стояла у небольшой группы деревьев. Я сошла с тропы и подошла ближе, чтобы посмотреть. В коляске спал ребенок. Я огляделась вокруг, никого не увидела и подумала, что надо взять коляску и отвезти ее в полицию, куда я и направлялась в тот момент, когда рядом со мной вдруг остановилась полицейская машина.

Я умолкаю, и детективы тоже не произносят ни слова. Молчание затягивается.

– У вас был с собой мобильный телефон? – Констебль Маршалл задает вопрос, которого я ожидала, потому что его задавали мне полицейские и в тот раз.

– Да, – говорю, – телефон у меня был, но я подумала, что если отвезу ребенка в участок сама, то так будет быстрее.

– А вы не подумали, что лучше было бы сначала все-таки позвонить нам на всякий случай: вдруг об этом ребенке кто-то беспокоится, вдруг его уже ищут?

– Теперь, задним числом, я это, конечно, понимаю. Но в тот момент мысли у меня немного путались.

– Не могли бы вы объяснить подробнее? – спрашивает Чибуцо. – Почему у вас путались мысли?

Я прекрасно понимаю, к чему они клонят.

– В августе того года... – Голос у меня становится сиплым, я откашливаюсь и начинаю снова. – В августе того года мой сын... мой трехлетний сын умер от острого лимфобластного лейкоза. Я была вне себя от горя. Я и сейчас еще не оправилась.

– Очень вам сочувствую, – говорит Эби и смотрит на меня с жалостью.

Но ни сочувствие, ни жалость не мешают ей продолжать ворошить все это и дальше. Снова и снова они заставляют меня брести через боль, а сами слушают и наблюдают.

– Это была не единственная моя потеря, – говорю я. – Лили, сестра-близнец Сэма, умерла при родах. Так что я потеряла обоих детей.

Чибуцо кивает. Маршалл смотрит вниз, на свои ботинки.

– Но вы ведь это все уже знаете, – говорю я, глядя прямо в честные карие глаза детектива-сержанта. – У вас же все там записано.

Она снова заглядывает в бумаги, лежащие перед ней на столе.

– Здесь сказано, что вы в то время страдали от депрессии. Это так?

– Да, – отвечаю, скрипнув зубами. «И ты бы небось страдала, умри у тебя второй ребенок».

– Я знаю, для вас это непросто, – настаивает Эби, – но миссис Дрейпер утверждает, что отвлеклась лишь на пару минут, когда ее старший малыш, которому тогда было чуть больше года, убежал в кусты. Она говорит, что, когда вернулась, коляски не было там, где она ее оставила, а вы быстро удалялись по тропинке, толкая ее перед собой. Она говорит, что кричала вам, но вы не реагировали. По ее словам, вы не могли ее не слышать, если только вы не глухая. Побежать за вами она не могла: ее малыш не слушался и продолжал убегать от нее. Тогда-то она и позвонила в полицию. Вы разве не слышали, как вам кричала миссис Дрейпер?

– Нет! Я уже много раз это повторяла. Если б я слышала тогда ее крик, то, конечно, остановилась бы и вернулась. В тот раз мне не предъявили никакого обвинения, так зачем же вы опять ворошите эту историю?

– Миссис Маркхэм, – серьезным тоном спрашивает Тим, – это вы привели к себе домой Гарри вчера вечером?

– Откуда я его привела? Нет. Говорю же вам, он уже был там, когда я вернулась. – В комнате ужасно душно, у меня зудят веки, и все тело как в огне. Я понимаю, что зря не захотела дожидаться адвоката. – Вы меня в чем-то обвиняете? – Делаю глоток воды из стакана. Она тепловатая и не помогает растворить удушающий ком в горле.

– Нет, – говорит Чibuцо. – Мы просто пытаемся докопаться до фактов. Нам надо определить, каким именно образом Гарри оказался вчера у вас в доме.

– Я ведь уже говорила вам. Я не лгу, если вы в этом меня подозреваете. Зачем бы я стала вам звонить, если б сама привела его? И вообще, где во всей этой истории родители Гарри? Спросите у них, что случилось. Почему они не следили за своим сыном? Как он попал в мой дом? Здесь явно творится что-то странное,

но я тут ни при чем!

– Пожалуйста, постарайтесь не волноваться, миссис Маркхэм... Тесса, – говорит сержант. – Мы беседуем со всеми заинтересованными сторонами.

– А как же мой муж, Скотт? С ним вы тоже беседуете? Или у вас проблема только со мной?

– У нас нет с вами никаких проблем; мы только хотим выяснить, не знаете ли вы чего-нибудь такого, что могло бы помочь нам в расследовании. А со Скоттом Маркхэмом мы говорили сегодня утром.

Руки и ноги у меня дрожат. Дыхание становится частым и неглубоким. Кажется, сейчас у меня начнется паническая атака. Я вспоминаю слова моего доктора: сделать глубокий вдох, на раз-два-три-четыре-пять задержать дыхание, а потом выдохнуть, медленно. «Ничего плохого с вами не случится, – говорил он. – Как бы тяжело и страшно вам ни было, от панической атаки умереть нельзя». Сейчас я в этом сомневаюсь.

– С вами всё в порядке, Тесса? – спрашивает Чибуцо, но ее встревоженный голос доносится до меня откуда-то издали.

Я вытягиваю руку, чтобы заставить ее замолчать. Хоть бы они ушли, дали мне прийти в себя, собраться с мыслями.

– Сейчас все будет хорошо... паническая атака...

– Беседа прервана в... четырнадцать десять.

Глава 5

Наверное, мне не стоило возвращаться после этого на работу, но я не хотела, чтобы Бен подумал, будто я без зазрения совести злоупотребляю его добросердечием. Да и вообще, что бы я стала делать дома – снова думать, прокручивать в голове одни и те же мысли? Вот уж чего мне совсем не хочется.

Я направляю шланг в пустой цветочный горшок и наблюдаю за тем, как вода шипит и брызгает, смывая со стенок землю и грязь.

Слава богу, в участке я сумела справиться с собой и не поддаюсь панике полностью. Дыхание выровнялось довольно быстро, и я смогла взять себя в руки. Чибуцо остановила беседу, а Маршалл принес мне сладкого чаю с печеньем. Они были добры ко мне и сказали, чтобы я шла домой и отдохнула. И еще сказали, что я «отпущена до продолжения допроса» и что они свяжутся со мной, когда и если им понадобятся еще детали.

Воспоминания о том страшном годе пробудили мою давнюю боль, которая так закипела и заклокотала во мне, что я едва не задохнулась; но я сумела ее обуздать, и теперь она едва булькает. Я снова дышу свободно. Ну почти.

Направляю шланг в сторону и заглядываю в горшок, чтобы проверить, всё ли я отмыла. Горшок чист. Осталось перемыть еще пятьдесят таких же.

– Что, сэндвич с креветками несвежий попался?

Я поднимаю голову и вижу перед собой Бена – он озабоченно смотрит на меня.

– А?..

– Что-то вид у тебя какой-то зеленоватый.

– Ты сегодня прямо сыплешь комплиментами, – говорю я.

– Извини. Просто стараюсь быть внимательным боссом. Работники нужны мне живые и здоровые. – Бен обеспокоенно разглядывает меня, склонив голову набок.

Последнее, что мне сейчас нужно, – это еще одна порция жалости.

– Спасибо, у меня всё в порядке, – заверяю я его, но мой голос звучит так, что даже я сама себе не верю.

– Ну как скажешь... Вообще-то у меня есть к тебе разговор, Тесс.

Господи, надеюсь, он не собирается меня уволить! Правда, вид у него сейчас не злой и не раздраженный, но как знать...

- Не пугайся, ничего страшного, - говорит Бен. - Всего лишь деловое предложение.

Я таращу на него глаза, как идиотка. Не знаю, как отвечать.

- Ты свободна сегодня после работы? - продолжает мой начальник. - Хочу пригласить тебя куда-нибудь выпить. Приставать не буду, обещаю. У меня к тебе серьезный разговор.

- Гм, ну ладно. Сразу после работы?

- Да. Может быть, дойдем до «Королевского дуба», тут, за углом? Я даже покормлю тебя ужином за счет фирмы, если ты захочешь.

- О, вот это было бы здорово. - В животе у меня урчит. С этим дурацким походом в участок я совершенно забыла про еду. - А насчет чего это твое деловое предложение?

- Поговорим о нем в другом месте, если не возражаешь, - отвечает Бен.

- А, ну да, ладно, - соглашаюсь я и немедленно начинаю ломать голову над тем, что такое он может мне предложить, о чем нельзя говорить на работе. Но ничего не поделаешь, придется подождать.

Остаток дня я провожу как в тумане. Даже не замечаю, когда время подходит к шести. Внезапно появляется босс и говорит, что с работой пора заканчивать. Вид у меня, наверное, тот еще. Приходит мысль, что неплохо бы зайти домой, принять душ, освежиться... Но я тут же гоню ее: ведь это всего лишь Бен, он каждый день видит меня похожей на пугало для ворон.

Я иду в туалет помыть руки и ополоснуть лицо, затем захожу за сумкой в комнату для служащих и жду, когда босс все запрет.

– Ну, идем? – спрашивает он, опуская в карман связку ключей.

Я киваю, думая о том, какой неловкостью завершится сегодняшний вечер. День выдался для меня эмоционально тяжелым, я выжата как лимон, к тому же никогда не была мастером светской болтовни, так что, надеюсь, мой босс не ждет, что я блесну перед ним искусством ведения беседы.

– Ты знаешь «Королевский дуб»? – спрашивает он меня, когда мы бок о бок идем с ним по дороге.

– Бывала там пару раз. Ничего, приятное местечко. – Вспоминаю, как года два назад была там со Скоттом и с нашими друзьями, мы выпивали там по поводу чьего-то дня рождения.

– Там готовят отличную лазанью, – говорит Бен. – В устах итальянца это большой комплимент.

Я улыбаюсь. До паба недалеко, всю дорогу мы мило и ненатужно болтаем, а входя, Моретти открывает передо мной дверь.

Внутри шумно, но шум привычный и не враждебный. Стены обшиты темными деревянными панелями, свет мягкий, приглушенный. Аппетитные запахи из кухни смешиваются с сытным духом пива и ароматом мебельной полировки. Одним словом, типичный английский паб.

Проходя со мной мимо барной стойки, Бен берет с нее меню и кивает кому-то из барменов. Тот здоровается в ответ, называя его по имени. Мы садимся за столик у окна, и босс протягивает меню мне.

– Так ты, значит, рекомендуешь лазанью? – спрашиваю я, даже не заглядывая в книжку. – Пусть будет лазанья.

– Отличный выбор. Пойду, оставлю заказ. А пить что будешь?

– Апельсиновый сок будет кстати. Спасибо.

– Не за что. Сейчас вернусь.

Пока Моретти стоит у бара, я пользуюсь случаем, чтобы оглядеться, рассмотреть людей вокруг. За одним столиком группа беседующих мужчин в костюмах, за другим – хохочущие женщины, дальше парочки и семейные группы. Ребятишки едят бургеры или рыбу с жареной картошкой, щедро поливая ее кетчупом. Быстро отвожу от них взгляд, в горле у меня встает комок. И все равно я чувствую, что лучше мне быть сейчас здесь, на людях, чем сидеть дома и предаваться невеселым мыслям в одиночку.

Вскоре возвращается Бен с напитками, мы чокаемся стаканами и начинаем пить.

– Еду принесут минут через двадцать, – говорит он.

– Отлично. Я и вправду проголодалась.

– Я тоже. – Из динамиков доносится микс восьмидесятых, не слишком громкий, так что мы хорошо слышим друг друга.

– Так что ты хотел со мной обсудить? – спрашиваю я.

– А, да. Это... Послушай, я пока никому ничего не говорил, и мне нужно, чтобы этот разговор остался между нами – ты согласна?

– Конечно. – Пожимаю плечами, чувствуя, что мне уже интересно.

– Ну, тогда вот: я только что получил «добро» от банка. Это значит, что теперь я могу купить шиномонтаж и автостоянку позади моего магазина.

Дополнительный участок я использую для расширения бизнеса. Построю там настоящий итальянский ресторан и кафе, а еще – магазин деликатесов для заказов онлайн. И садовую территорию тоже хочу увеличить.

– Вау, – говорю я. – Звучит невероятно.

– Знаю, мне и самому страшно до чертиков, – говорит босс и улыбается так широко, что его глаза превращаются в две щелки. – Но мне кажется, что у меня все получится. – И он делает глоток пива.

Я киваю.

– Конечно, получится! Все будет отлично, я уверена.

– Надеюсь. Знаешь, ты одна из лучших моих работниц, – добавляет вдруг Моретти. – На работу почти всегда приходишь первой, уходишь последней... Делаеть куда больше, чем от тебя требуется... Знаешь, у меня уже давно такое чувство, что ты слишком хороша для этой должности. Мне просто повезло с тобой, Тесс.

– Спасибо, – говорю я, чувствуя, как приятное тепло расплзается у меня в груди, и с облегчением понимая, что это, наверное, не прелюдия к моему увольнению. – Так хорошо, когда тебя ценят! К тому же это место идеально мне подходит, а свою работу я люблю. – Я не рассказываю начальнику о том, что работа до упаду помогает мне справляться с гложущей пустотой в душе. Что, если я перестану вкалывать, у меня будет слишком много времени на раздумья о собственной жизни.

– Это подводит меня к предложению, которое я хочу тебе сделать, – говорит босс. – Вообще-то их даже два.

Я поднимаю брови и жду, когда он продолжит.

– Из твоего резюме я знаю, что раньше ты была ландшафтным архитектором.

– Д-да, но это же когда было...

– Всего два с половиной года назад, – отвечает Бен. – Я уверен, что твои знания и сейчас еще тут. – Он постукивает себя пальцем по виску.

Прикусываю губу, сердце начинает колотиться. Тогда у меня была совсем другая жизнь, которую я изо всех сил стараюсь больше не вспоминать. Тогда я сама была другим человеком.

– Дело в том, – продолжает босс, – что, учитывая твой опыт, я хотел бы поручить тебе разработку плана новой садовой территории. Пока я не смогу заплатить тебе за это столько, сколько положено, но мне очень важно знать твое мнение.

Я киваю. В теории это как раз то, что я люблю. И знаю настолько хорошо, что могу делать даже во сне. К тому же мне по-настоящему очень-очень хочется помочь Бену в его новом предприятии. У меня есть уже кое-какие идеи и для той территории, которой он владеет сейчас. Но я ни с кем ими не делюсь, потому что помощнику садовника надо знать свое место, а не указывать боссу, как ему лучше вести бизнес. Но он просит у меня профессионального совета, а я не уверена, что смогу справиться с такой ответственностью. Ведь мой разум все еще очень хрупок после того, что мне довелось пережить. Всякое событие, выходящее за рамки той рутины, которую я кропотливо для себя создала, способно опрокинуть меня в депрессию, поэтому я не верю переменам и себе. И не знаю, смогу ли когда-нибудь поверить.

– Ты сказал, что у тебя два предложения, – говорю я, увиливая от ответа. – Какое второе?

– Значит, так, – начинает Бен, и его темные глаза вспыхивают энтузиазмом. – Когда я займусь этим проектом вплотную, мне понадобится не меньше года на его разработку. А значит, смотреть за делами в магазине мне будет некогда. Поэтому мне нужен человек, который вместо меня займется моим садовым центром. – Он умолкает и смотрит на меня в упор.

– Я? Ты хочешь, чтобы я управляла «Моретти»?

Босс кивает.

– Я прибавлю тебе зарплату. Не в два раза – пока, – но почти. Я могу...

– Хо-а, погоди, Бен! – Я перевожу дух и отираю лоб ладонью. – Я польщена, честное слово, но...

– Пожалуйста, не отказывайся. Ну хотя бы не сразу. Подумай о моем предложении. Прошу.

– А как же Кэролайн? – спрашиваю я, вспоминая коллегу, которая в свои сорок с хвостиком уже работает управляющей магазином. – Разве она не расстроится, если ты вдруг назначишь меня на ее место? Вообще-то это с ней, а не со мной тебе следовало бы сейчас советоваться. Да и Джек вряд ли захочет, чтобы я им командовала.

- Пока ты не будешь указывать ему, что и как делать с растениями, он против не будет. И между нами говоря, Кэролайн, конечно, милая, но ужасно несобранная и нервная. На работу почти всегда приходит с опозданием. Обеденный перерыв затягивается у нее часа на два, и в семье у нее вечный кризис, не один, так другой. Как я могу доверить ей управление всем центром? Она симпатичная и с клиентами управляется прекрасно, но большая ответственность ей не по силам. Не думаю даже, что она согласится, если я ей это предложу.

Я поворачиваю голову вправо и вижу хорошенькую темноволосую официантку, которая приближается к нашему столу.

- Две лазаньи, - говорит она и ставит перед нами еду. - Как дела, Бен?

- Хорошо, Молли. Ты как? - отзывается мой собеседник.

- Да так. Как обычно.

- Это Тесс. Тесс, это Молли.

Взгляд официантки не задерживается на мне надолго.

- Привет, - говорит она с улыбкой, в которой не участвуют ее глаза.

- Здравствуйте, - отвечаю я.

- Как мама с папой, в порядке? - спрашивает она Бена. - Я по ним соскучилась.

- У них все хорошо, - отвечает босс. - Радуются, что вернулись в Италию. Я передам им от тебя привет, когда они будут звонить.

- Да, конечно. Скажи им, что я очень их люблю. - Молли продолжает стоять рядом. Кажется, она хочет сказать что-нибудь еще, но не знает, что именно.

- Хорошо, - говорит Моретти, прерывая неловкое молчание. - Всегда рад тебя видеть. Береги себя.

- Ты тоже. - Девушка сворачивает низ своего передничка в трубочку и семенит на высоченных каблуках назад к бару.

- А это кто, управляющая клубом поклонниц Бена Моретти? - спрашиваю я.

- Ха-ха, очень смешно.

- Бывшая подружка?

- Нет! Просто раньше я часто бывал здесь с родителями. Это она так, из вежливости.

- Почему раньше? Кажется, ты и сейчас тоже здесь.

- А мне кажется, что нам пора переменить тему, - говорит босс; его щеки пламенеют от смущения. - Давай поедим.

- Великолепно, - говорю я, прожевав первый кусок лазаньи.

- Я же говорил.

- Приводи меня сюда каждый вечер, и, может быть, я соглашусь стать менеджером «Садового центра Моретти».

- Правда? - Глаза начальника зажигаются надеждой.

Я понимаю, что не стоило так шутить. Теперь он будет считать, что я думаю над его предложением.

- Послушай, Бен, как я ни польщена...

Он грустнеет.

- В моей жизни сейчас происходит много всего, личного, - объясняю я. - Вот почему я сильно сомневаюсь, что смогу взять на себя такую ответственность.

– Тесс. Я... я слышал о том, что с тобой случилось. О твоих детях. Я очень, очень тебе сочувствую.

Я откладываю вилку. Голод вдруг как рукой сняло.

– Кто тебе рассказал?

– Кэролайн. Довольно давно.

Замечательно. Она-то как узнала? Видимо, она из тех, кто обожает собирать сплетни и передавать их дальше. Я вдруг понимаю, что мне очень больно. Мне всегда казалось, что мы с ней неплохо ладим, но тут я вдруг представила себе ее на работе, за прилавком – она из тех продавцов, которые вечно трещат с покупателями. Колкость насчет сплетницы-коллеги уже готова сорваться у меня с языка, но Бен, заметив это, добавляет:

– Она сделала это потому, что заботилась о тебе, Тесс.

– А откуда у нее такая осведомленность о моих делах?

– Кажется, она дружит с твоей свекровью.

Я почти уверена – свекровь считает, что все дело в моей плохой наследственности. Сама Аманда Маркхэм вырастила четверых здоровых детей. У Скотта три старших сестры, так что он единственный и долгожданный мальчик в семье.

– Кэролайн решила, что мы все должны знать, через что ты прошла, чтобы никто не обидел тебя как-нибудь случайно, – добавляет Моретти.

Но меня совсем не радует, что на моей работе в курсе моих дел оказались все, ну просто абсолютно все. Хотя, с другой стороны, в этом есть и плюс: никто не лезет ко мне с расспросами, не надо ничего объяснять, придумывать отговорки.

– В общем, – продолжает босс, – я только хотел, чтобы ты знала – я в курсе твоей ситуации и пойму, если... если у тебя будут случаться тяжелые дни.

– Спасибо, – мямлю я.

– Не стану притворяться, будто я действительно понимаю, что ты испытала, Тесс. Даже думать о таком – и то, гм, страшно. Но мне представляется, что для тебя было бы сейчас полезно уйти с головой во что-нибудь такое.

Я тронута. Большинство людей предпочитают вообще не касаться темы моих детей – просто не знают, как к этому подступиться. А Бен не только не испугался, но считает, что я способна справиться с большой ответственностью.

– Я была сегодня в полиции, – вдруг выпаливаю я.

Босс как раз подносит к губам кружку с пивом, но теперь ставит ее на место и смотрит на меня, поджав губы.

– Я ходила к ним в обеденный перерыв, – продолжаю я.

– Не возражаешь, если я спрошу зачем? В смысле, ты не обязана отвечать мне, но...

– Да нет, все нормально. История, правда, такая странная... – Я нервно хихикаю.

– Расскажи. – Моретти делает глоток пива, а я – большой глоток сока, жалея, что не заказала чего-нибудь покрепче.

Рассказываю Бену о том, что приключилось вчера. О Гарри. Слова так и сыплются из меня. Я не заикаюсь и не мямлю, как делала в полицейском участке, где каждое мое слово взвешивалось и подвергалось тщательному анализу. Теперь я говорю свободно, как на исповеди, словно освобождаясь от большой тяжести. Судя по выражению лица босса, он и удивлен, и сочувствует мне, и понимает меня. В его взгляде я не вижу ничего похожего на осуждение. Он меня ни в чем не подозревает.

– Вот это да, Тесс. Это же прямо...

– Да, знаю. Очень странно.

– У тебя, наверное, голова кругом. А тут еще я со своим деловым предложением, тоже, нашел время... – Он закатывает глаза.

– Ты же не знал. И потом, может быть, ты прав. Может быть, именно это мне и нужно, чтобы забыть обо всем. Только... дай мне, пожалуйста, время, чтобы я могла обо всем как следует подумать, если можешь.

– Ну конечно. Думай, сколько тебе угодно. Ну то есть не то чтобы совсем сколько угодно. Мне надо будет знать к Новому году, ладно?

Я киваю, и мне вдруг становится как-то легче.

– А теперь ешь, – говорит Бен.

– Да, босс.

Еще час мы сидим за столом, уплетаем вкусную еду и болтаем о разных пустяках вроде книг, которые мы прочитали в последнее время, забавных покупателей и своих плохих привычках. Бен оказывается отличным компаньоном, с ним так легко говорить. Интересно, почему я раньше этого не замечала? Но вскоре события последних двадцати четырех часов начинают сказываться на мне. Я вдруг ощущаю себя совсем измотанной. Босс настаивает, чтобы я не выходила завтра на работу, а посидела дома, отдохнула. Я возражаю, но он не хочет ничего слышать, и мне приходится согласиться. Остается только надеяться, что я смогу целый день проспать.

Часы показывают всего девять вечера, когда я на ватных ногах, засыпая на ходу, закрываю за собой дверь своей передней, но мне кажется, что уже гораздо позже. Вообще-то надо бы мне сразу лечь в постель, но я хочу сначала сделать еще одно дело.

Беру мобильник, иду в гостиную и усаживаюсь там на диван, в свой привычный уголок, поджав под себя ноги. Звоню Скотту, чтобы узнать, как у него прошла беседа с полицией сегодня утром. Все равно мне не заснуть, пока я не поговорю с ним. Вдруг он каким-то чудом узнал, что там с Гарри...

В трубке раздаются три сигнала, а потом я решаю, что по ошибке нажала не на ту кнопку, потому что отвечает мне женщина. Я так удивляюсь, что даже не сразу соображаю, что надо сказать.

- Алло? - говорит она. - Алло?

- Здравьете, - говорю я. - Я, наверное, набрала вас по ошибке. Я звоню Скотту. Кто это?

На том конце наступает пауза.

- Алло? Вы еще здесь?

Я уже готова дать отбой и сделать вторую попытку, когда незнакомка вдруг говорит:

- Тесса?

- Да. Кто говорит? Это номер Скотта?

- Да. - Голос звучит нерешительно, как будто женщина не знает, его это номер или нет.

- Вы не могли бы передать ему трубку, пожалуйста?

- Он... он сейчас занят. - Голос, судя по всему, принадлежит молодой женщине.

- Занят? В каком смысле? Он еще на работе? На собрании?

- Он в ду?ше.

И тут до меня начинает доходить. Какая-то женщина отвечает по телефону Скотта, пока сам он в душе. Я на мгновение застываю и чувствую, как кровь отливает у меня от лица.

– Мне очень жаль, – говорит она, но никакого сожаления в ее голосе я не слышу. – Я знаю, вы, наверное, удивитесь, но я девушка Скотта. Вообще-то он давно уже должен был вам все рассказать.

У Скотта есть девушка. Я все еще чувствую привкус лазаньи и апельсинового сока. Не знаю, что сказать.

– Тесса? Вы меня слышите?

– Да. Ничего страшного, я поговорю с ним позже.

– Вообще-то...

Но я не хочу знать, что там у нее вообще-то. Обрываю разговор, мой палец сам жмет иконку на экране. После этого отключаю телефон.

Глава 6

Вчера вечером я пришла домой, готовая сразу заползти в постель и отдаться благостному сну. А вместо этого я поговорила с ней.

У Скотта есть девушка. Девушка. У моего Скотта. Отца наших мертвых детей.

Вечером я легла в постель, закрыла глаза и приказала себе уснуть. Чтобы найти забвение. Но мой мозг отказывался успокаиваться. Я представляла их двоих вместе. Гадала, какая она. Сколько ей лет? Она красивая? Как они познакомились? Где? И когда? Почему он не рассказал мне об этом? А ведь я даже не спросила, как ее зовут. Она действительно его девушка – или так, увлечение? Они смеются вместе? Я пытаюсь вспомнить, когда мы со Скоттом в последний раз вместе смеялись. Плохо, что приходится так напрягаться, вспоминая. И еще хуже, что за последние годы я так и не вспомнила ни одного случая, когда бы мы смеялись. А ведь раньше хохотали, я это помню. Животики надрывали так, что дышать становилось нечем. Помню, я еще кричала ему, чтобы он перестал, а то я описаюсь...

Как он мог поступить так со мной? Да, мы не живем больше вместе, да, мы «разъехались». Но это же Скотт. Мой Скотт. Я была уверена, что рано или поздно мы снова будем вместе. Мы ведь так долго были вместе, что я почти не помню, как жила до него. Так я лежала, сначала на одном боку, потом на другом, пытаюсь замедлить дыхание, прогнать из головы все мысли. Я вызывала в памяти образы ясного голубого неба и прозрачных голубых озер, перебирала те моменты моей жизни, когда была спокойна и счастлива. Но все они были связаны с ним. И потому теперь безвозвратно испорчены мыслями о ней.

Время от времени я щелкала выключателем ночника и смотрела на часы: час ночи, два двадцать, два тридцать пять. Я пыталась читать книжку. Пила теплое молоко. Три часа ночи. Послушала умиротворяющие голоса по «Радио 4». И вот время уже семь тридцать утра, черт бы его побрал, а я все лежу: сна ни в одном глазу, мысли в мозгу несутся одна за другой, как шальные поезда.

Что же мне делать? А что я могу сделать? Ничего удивительного, что он разозлился, когда я позвонила ему в воскресенье вечером. Я же оторвала его от этой его шалашовки... Черт, что это за слово? Годов, кажется, из 70-х, обычно я так не говорю. Но не могу заставить себя думать о ней как о его девушке. А слово шлюха в моих устах звучит как-то слишком озлобленно.

А кто такая теперь я? Не жена? И не мать? У меня нет никаких амбиций, нет места в жизни, и цели по-настоящему тоже нет. Я зажмуриваю глаза как можно крепче и, скользя по простыне, опускаюсь под пуховое одеяло с головой.

Вся беда в том, что наш брак умер одновременно с Сэмом. Скотт еще пытался его спасти, но я была так поглощена своим горем, что даже не думала о его боли. Эмоции переполняли меня, не оставляя свободного уголка для мыслей о нем и о его нуждах. А потом, когда он сказал мне, что уходит – после смерти Сэма не прошло еще и года, – я просто не поверила ему. Решила, что это временно. Тем более что мы не стали официально оформлять наш разрыв. Даже теперь, через полтора года жизни врозь, я все равно верю, что мы еще будем вместе. Или я ошибаюсь? И никаких «мы» больше нет?

Тусклый утренний свет сочится из-за портьер на окнах. На улице хлопают дверцы машины. Слышны звонкие детские голоса: ребяташки взволнованно обсуждают что-то по пути в школу. Я сбрасываю одеяло, простившись с надеждой хотя бы немного поспать. У меня сегодня выходной, надо что-нибудь сделать.

На автопилоте прохожу сквозь все утренние процедуры, натягиваю спортивный костюм, беру миску кукурузных хлопьев и иду с ними в гостиную. Я терпеть не могу слушать, как жуют другие люди – от таких звуков у меня аж зубы сводит. Начинает тошнить. По-моему, этому есть научное название – какая-то фобия или что-то вроде этого. Так что сама я всегда стараюсь есть с закрытым ртом. Но сейчас, сидя одна на своем диване, нарочно грызу хлопья как можно громче. Так вызывающе хрупаю ими – хруп, хруп, хруп! – что сама себе удивляюсь, уж не спятила ли я.

И тут звонит телефон, его звонок вторгается в мой мятежный завтрак. Домашний, обычно я на него не реагирую. Но что, если это Скотт? Или полиция? Я со стуком опускаю миску с хлопьями на стол и плетусь в прихожую. Взглянув на экран телефонного аппарата, вижу, что номер не определен, но все же беру трубку, приготовившись вернуть ее на рычаг при первых же звуках противной рекламной скороговорки.

– Алло? Это Тесса Маркхэм? – Голос женский. Нерешительный. С иностранным акцентом. Вроде бы испанским.

Я уже готова оборвать разговор. Что с того, что она знает мое имя?

– Да! – рявкаю я. – Да. Это Тесса.

– Простите, – говорит незнакомка. – Извините, зря я вам позвонила.

И я слышу гудки. Не я, а она повесила трубку.

На телемаркетинг не похоже. Эти никогда не извиняются, да и трубку тоже не вешают. Несмотря на то что ее номер обозначился на моем телефоне как скрытый, я все же набираю 1471 в надежде узнать, куда я могу ей позвонить – но, разумеется, без толку. Вот черт. А что, если это как-то связано с Гарри? Может быть, она еще позвонит. Зря я так на нее сорвалась. Надо было говорить помягче. Я не свожу с аппарата глаз, гипнотизируя его, чтобы он зазвонил снова, но телефон стоит на столике и упрямо молчит.

Возвращаюсь в гостиную к своему прерванному завтраку, взяв с собой трубку. Так, на всякий случай. Не проходит и минуты, как она снова звонит. На этот раз я

произношу свое «да» почти ласково.

- Тесс? Почему ты не отвечаешь на сотовый?

Это Скотт. Я вспоминаю, что мобильник у меня выключен с вечера. Сердце колотится у меня в груди. Узнал, что я вчера говорила с его шалашовкой? Пересказала она ему наш короткий диалог?

- Привет, Скотт.

- Извини, что звоню так рано. Ты свободна сегодня вечером?

Еще бы. Да я каждый вечер свободна.

- М-м... ну да. По-моему, да.

- Отлично. Мы можем встретиться. Скажем, часиков в семь, в тапас-баре, у моей работы?

- Ладно. А зачем ты хочешь...

- Извини, я сейчас на работу опаздываю. Поболтаем потом, ладно?

- Конечно. До встречи.

Ну и ну, это что-то новенькое! Скотт ведь мне совсем не звонит в последнее время. А тут надо же, сам позвонил, да еще и поговорить хочет. О чем нам с ним говорить? О ней? Нет. Эта его шалашовка – явление временное, а то бы он мне давно уже все рассказал. Но надо же что-то сделать. В смысле, с собой. Привести себя в порядок. Выхожу в прихожую и свирепо гляжу на себя в зеркало. Н-да, ну и вид... В смысле, мне ведь всего тридцать шесть лет. Тридцать шесть, а не семьдесят, на которые я выгляжу в зеркале.

Раз уж мы со Скоттом встречаемся сегодня, то надо, чтобы он вспомнил меня прежнюю. В смысле, настоящую. Ведь я – настоящая я – где-то еще существую или нет? Не может быть, чтобы я совсем испарилась. Не так скоро.

Скотт и я познакомились на дне рождения подруги моей подруги, и он потом говорил, что сразу меня заметил. И что я была единственной, с кем ему хотелось поговорить в тот вечер, только он не сразу набрался смелости ко мне подойти. А когда подошел, мы с ним мгновенно поладили. Не помню точно, о чем мы тогда говорили, зато помню, что много смеялись. Он нашел тихое местечко в саду – в ветхом летнем домике. Мы сидели на полу, на подушках для загорания, пили пиво и грызли орешки. Той девчонке, хозяйке вечеринки, пришлось буквально пинками выгонять нас оттуда уже под утро. Скотт проводил меня домой, и мы поцеловались на прощание. После той вечеринки мы стали неразлучны. Друзья называли нас идеальной парой.

Только бы заставить его вспомнить, что между нами когда-то было... Только бы он увидел, что я тоже стараюсь преодолеть боль... Не забыть, конечно же, нет. Такое никогда не забудешь. Но... может быть, принять? Не растрачивать остаток своих дней на бесконечный траур. Вернуть в свою жизнь хоть какой-то смысл.

Ну, всё, звоню Макс.

Три часа спустя я сижу в уютном вращающемся кресле и, съежившись, смотрю на себя в огромное, кристально-прозрачное зеркало, а лампочки вокруг него безжалостно высвечивают морщинки и мешки на моем лице, делают еще темнее темные круги под глазами, подчеркивают седые корни и посеченные концы волос. Впечатление удручающее.

– Не хочу показаться грубым, дорогая, – говорит Макс, уткнув кулачки в свои цыплячьи бедра, – но твои волосы как будто выдержали неравный бой с металлической мочалкой для посуды. Длину придется снять дюйма на два, а то и больше. Может, сделаем «паж», что скажешь?

– Я же садовница, Макс. «Паж» не годится, волосы будут лезть мне в глаза во время работы.

– О господи! – Он хватает мою левую руку и смотрит на нее с ужасом.

Я тоже смотрю и вижу красную растрескавшуюся кожу и слоющиеся ногти.

– Что ты ими делала? – восклицает Макс.

– Говорю же тебе, я – садовница, – отвечаю я. – Моим рукам уже ничем не поможешь. Давай сосредоточимся на волосах, ладно? Мне так тебя не хватало, Макси! – добавляю. Давненько я уже ни с кем так не кокетничала.

– Ну еще бы. Да я просто необходим в твоей жизни, Тесс. Это не волосы, а катастрофа какая-то. Еще немного, и им реанимацию пришлось бы вызывать. – Он поворачивается к кому-то из своих подручных. – Принесите миссис Маркхэм бокал просекко.

– Что? – Я в ужасе округляю глаза. – Нет. Макс, сейчас же только половина одиннадцатого утра! Слишком рано для спиртного.

– Пф-ф-т! При обычных условиях я бы с тобой согласился. Но в нынешнем, запущенном случае тебе просто необходимо чуток взбодриться.

– Ну хорошо, ладно, только добавь туда хоть апельсинового сока, что ли, – для приличия.

– Витамин С, прекрасная идея.

Несколько часов спустя я золотистой блондинкой выпархиваю на крыльцо салона. Волосы сверкающим каскадом стекают с моей макушки к плечам. Ступив на тротуар, ловлю на себе восхищенные взгляды, и надо сказать, что чувство, которое я при этом испытываю, отнюдь нельзя назвать неприятным. Какая-то женщина пристально смотрит на меня темно-кариими глазами, и я слегка улыбаюсь ей в ответ. Она опускает голову и смущенно спешит прочь. Пожимаю плечами и сворачиваю к метро. Надо съездить в центр, купить себе что-нибудь нарядное на вечер – старая одежда мне не по размеру.

В «Муссоне» стягиваю с вешалки юбку двенадцатого размера. За прошлый год я немного похудела: вся одежда, какая у меня есть, на мне болтается. Это юбка модели «карандаш»: черная, зауженная книзу, с ярко-зелеными вышитыми цветами. Думаю, что с черными сапожками и свитерком с треугольным вырезом она будет смотреться что надо. Но, когда я ныряю в нее через голову, юбка буквально скатывается с моих бедер. Проверяю ярлык: может быть, перепутала размеры? Нет, это определенно двенадцатый. Тогда я прошу продавщицу принести мне такую же юбку десятого размера. Она окидывает меня оценивающим взглядом и предлагает восьмой. Восьмой размер я носила только

лет в двадцать с небольшим. И – о, чудо! Восьмой садится на меня идеально, а это значит, что я стала на три размера меньше, чем была. Видимо, со всеми своими переживаниями, потерей аппетита и пропущенными обедами и ужинами сама не заметила, как скинула несколько фунтов.

Пока я стою в очереди на кассу, у меня вдруг возникает странное чувство, точно спину мне колют маленькими иголочками. Оборачиваюсь и вижу женщину, которая пристально смотрит на меня. Я так же пристально вглядываюсь в нее и вдруг понимаю, что это та самая, темноглазая, на которую я наткнулась при выходе из салона. Она примерно одного возраста со мной, ну, может быть, чуть постарше. Неужели она сюда за мной приехала?

– Извините, вы следующая?

Оборачиваюсь и вижу, что кассир обращается ко мне.

– Простите, вы не могли бы немного подождать? – спрашиваю я, бросая юбку на прилавок. И снова оборачиваюсь, но та женщина уже исчезла.

Шарю глазами по магазину. Ее нигде нет – наверное, ушла.

– Я вернусь через пять минут, – говорю кассирше и иду бродить между рядами, поворачивая голову то вправо, то влево. Та женщина совсем не высокая, она легко может спрятаться где-нибудь за одеждой. Так я добираюсь до выхода и даже выглядываю на людную улицу, чувствуя, как у меня стучит сердце. Бесплезно – разве найдешь ее в этом муравейнике?

Но кто она? Почему-то я уверена, что эта женщина как-то связана с Гарри. Не исключено, что это она звонила мне сегодня утром, а потом повесила трубку. Господи, сделай так, чтобы она снова позвонила! А если появится сама, то так просто от меня не отделается: я заставлю ее сказать, кто она и почему интересуется моей особой.

Ровно в назначенное время я, проведя ладонями по новой юбке, открываю дверь в тапас-бар, где мы встречаемся со Скоттом. Там тепло, и едва я вхожу внутрь, как меня окружают яркие огни и веселые голоса. Уже второй вечер подряд я выхожу в люди. Надо же, совсем на меня не похоже.

Я окидываю взглядом столики, но Скотта не вижу.

Ко мне подходит официант, лет двадцати с небольшим, в черной футболке и темных джинсах.

– Хотите взять столик? У нас сейчас очередь, время ожидания – примерно час. Но можно присесть у бара...

– Я здесь кое с кем встречаюсь, – говорю я. – Не исключено, что он заказал столик на фамилию Маркхэм.

Официант смотрит на дощечку с зажимом у себя в руке – там у него список.

– На семь вечера?

– Да.

– Сюда, пожалуйста. – Парень ведет меня к кабинке в глубине помещения.

У меня перехватывает дыхание. Скотт уже там; он сидит ко мне спиной, перед ним на столе бутылка пива.

– Вам что-нибудь принести? – спрашивает официант.

– Да, пожалуйста, лайм с содой. – Я не отказалась бы и от чего-нибудь покрепче, но хочется сохранить ясную голову. Сегодняшний вечер слишком важен для меня, нельзя взять и все испортить.

Выпускаю из легких весь воздух до последней унции, а потом делаю новый глубокий вдох. Я смогу, у меня получится вернуть себе мужа, я это знаю. Образы мелькают у меня в голове: вот мы вдвоем, держимся за руки. Вот он ведет меня к нашему дому, напроць забыв о своей шалашовке. Вот мы падаем на кровать.

Смеемся. Плачем. Мы так счастливы снова быть вместе, в своем доме...

- Тесс. - Скотт встает, скользит по мне взглядом, потом еще раз и говорит: - Вау, да ты потрясающе выглядишь!

Я изо всех сил стараюсь не показать, до чего же мне приятно, что он оценил мои усилия по преобразению себя.

- Честное слово, Тесс. Ты великолепна. - Он подается вперед и чмокает меня в щеку. Я тоже касаюсь губами его щеки, замираю так на мгновение, а после мы садимся за стол, лицом друг к другу.

- Давненько я здесь не была, - говорю. - А что, грибы в чесночной заливке тут еще подают?

- Да. И те маленькие картошечки с пряностями, которые тебе всегда так нравились.

- Ням. Обязательно себе закажу. - Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, но разговор у нас идет прямо как в старые добрые времена. Возвращается официант с моим лаймом с содовой. - А знаете, принесите-ка мне еще бокал вина, белого, сухого, - прошу я его. Мною вдруг овладевает праздничное настроение.

- Конечно, - отвечает официант, ставя передо мной безалкогольный напиток.

Скотт, уже зная, что я предпочту, дает ему заказ на еду, и официант уходит, оставляя нас наедине. Еще дома я тщательно продумала все, что буду говорить. В мои планы не входит обсуждать Гарри или мой визит в полицию, этот вечер я хочу посвятить нам двоим. И вот теперь я здесь, но мне отчего-то становится неловко. Я просто не знаю, как выйти на тему нас.

- Как работа? - начинает Скотт. - Справляешься?

- Хорошо. Босс предложил мне повышение.

- Отлично, Тесс. - Муж улыбается. - Вообще-то я немного нервничал из-за этой встречи с тобой, - добавляет он.

– Нервничал? – Мое сердце делает небольшой кульбит. Неужели он так же предвкушал сегодняшний вечер, как я?

– Просто я не знал, в каком ты будешь настроении, – объясняет Скотт. – Но, как я вижу, с прошлого воскресенья ты как будто перевернула страницу. И стала собой, прежней Тесс. Я так за тебя рад!

На сердце у меня теплеет. Официант приносит мое вино; я подношу к губам бокал и делаю большой глоток, наслаждаясь ощущением приятного жжения в гортани и тем, как напиток легко ударяет в голову.

– Так как, ты пойдешь на повышение? – спрашивает Скотт.

– Не знаю пока. – Беру из терракотовой миски в центре стола оливку и закидываю ее себе в рот.

– И в чем оно будет выражаться? Надеюсь, в повышении зарплаты в том числе, – он ухмыляется.

– Бен хочет, чтобы я стала в «Моретти» менеджером, пока он будет заниматься расширением бизнеса. Плюс просит, чтобы я консультировала его по поводу дизайна новой территории.

– Но это же просто здорово, – говорит Скотт, качая головой. – Для тебя ведь это левое дело, разве нет? По-моему, надо соглашаться.

– Ты так думаешь? Ответственность все-таки большая. Мне страшно соглашаться, вдруг я все испорчу.

– Да что там портить, ты ведь с такой работой с закрытыми глазами справишься! И вообще, глаза боятся – руки делают. Попробуй, Тесс, – ты заслужила что-нибудь хорошее от жизни после всего, что тебе выпало.

– И ты тоже, – говорю я. – Ты тоже заслужил что-нибудь хорошее.

– Спасибо. – Муж улыбается мне. – Вообще-то я отчасти поэтому тебя сюда и пригласил.

Надежда затопляет меня изнутри так, что у меня даже дыхание перехватывает. Сил хватает лишь на то, чтобы не лыбиться на него, как влюбленная юная идиотка.

– Элли сказала мне, что вы с ней вчера поговорили, – продолжает Скотт. – Что ты позвонила, когда я был в душе. – Тут он качает головой. – Я не хотел, чтобы ты вот так о ней узнала. Извини. Я сказал ей, что она вообще не должна была брать трубку. Мне жаль, что она на тебя все вывалила.

Ага, значит, у шалашовки есть имя – Элли.

– Не беспокойся, – отвечаю я таким тоном, чтобы муж понял – обиды я на него не держу. – Всё в порядке. Мне все равно, что было в прошлом, встречался ты с кем-нибудь или нет. Мы ведь расстались. Я была ужасно подавлена, на тебя почти не обращала внимания... Но теперь все это в прошлом. Так что ты не должен мне никаких объяснений.

– Ты даже представить себе не можешь, какую тяжесть сейчас сняла у меня с плеч, – говорит Скотт, откидываясь на спинку стула и действительно разминая плечи, как будто они у него затекли. – Скажу тебе правду: я ужасно боялся этого вечера. Шел сюда и все время думал: как буду объяснять тебе про нас с Элли, про том, что между нами есть... Поэтому я очень рад, что ты сама все понимаешь. И надеюсь, что мы сможем остаться друзьями.

– Друзьями? – повторяю я, чувствуя, как это слово липнет у меня к языку и как меня окатывает холодом: я начинаю кое-что понимать. – В смысле, ты и я?

– Да, конечно. – Скотт подтверждает мою догадку озадаченной улыбкой. – Было бы непростительно, если б каждый из нас пошел теперь своим, отдельным путем, после всего, что нам выпало перенести вместе. И ты еще полюбишь Элли, я тебе обещаю. Глядишь, вы с ней еще подругами станете...

Его голос то удаляется, то грохочет у меня в ушах, пока я пытаюсь переварить его слова. Значит, эта Элли – не просто увлечение, она – нечто большее. А мне в жизни Скотта отведено теперь место в области преданий. Я стала его «бывшей».

И при этом он хочет, чтобы все мы были счастливы и довольны. Он думает, я и сюда пришла для того, чтобы дать ему свое благословение, подтвердить, что мы останемся друзьями.

– Ты и она? – шепчу я. – Вы действительно вместе? И у вас все серьезно? – На моих губах проступает недоверчивая улыбка, готовая в любую секунду обернуться гримасой презрения.

Скотт прикусывает губу и ерзает на стуле. Делает проходящей мимо официантке знак принести ему еще пива.

– Да. Я думал, ты понимаешь это, и еще думал, что ты желаешь мне добра.

Я открываю рот. Разочарование сдавливает мне грудную клетку, мешая вздохнуть.

– Я не сказал тебе об этом раньше, – продолжает Скотт, – потому что боялся тебя ранить. Но когда Элли ответила вчера за меня по телефону... В общем, я понял, что настала пора объясниться. И ты так хорошо выглядишь, вся такая спокойная и сдержанная... Честно говоря, я думал, что всё в порядке.

Я так поражена, что даже не могу говорить. Тело и ум – все парализовано, как будто я наглоталась каких-то таблеток.

– Мы с ней познакомились около года назад, в моем офисе, во время рождественской вечеринки, – нерешительно объясняет Скотт. – Сначала все было как бы в шутку, но... Тесса, мне очень жаль, но у нас действительно все серьезно. Мы любим друг друга.

Похоже, мое молчание он воспринимает как поощрение. Думает, что мне нужны его объяснения. А я хочу сейчас только одного – чтобы он замолчал. Чтобы он заткнулся наконец. Я совсем не хочу слушать о нем и Элли. Об их прекрасных отношениях и о том, как сильно они любят друг друга. Делаю большой глоток вина, прекрасно осознавая, какой эффект оно может оказать на мои и без того растрепанные чувства.

– Я пришла сюда с надеждой, что мы снова будем вместе. – Мне удалось выдать из себя эти слова, но голос у меня до того тихий, что мужу приходится наклоняться ко мне, чтобы расслышать. – Я хотела попросить тебя дать нашему браку еще один шанс. Я все еще люблю тебя, Скотт. Ты разве не понимаешь?

Но тот трясет головой так, словно хочет стряхнуть с себя мои слова. Слова, которых он не хочет слышать.

– Есть еще кое-что, – говорит Скотт. Пытается выдержать мой взгляд, но не может, и его глаза постепенно опускаются на стоящую перед ним пустую бутылку. – Тесса, мне так жаль, – продолжает он, по-прежнему глядя вниз. – Элли беременна.

Я откидываюсь на спинку сиденья так резко, как будто меня ударили ножом.

– Извини, – повторяет он, теперь уже глядя на меня. – Мне так жаль... Очень, очень жаль. Мы совсем это не планировали.

«Ты-то, может, и не планировал», – проносится у меня в голове ядовитая мысль. И он мне все это рассказывает! Нас разделяют всего два фута, но у меня такое чувство, будто с каждой секундой он удаляется от меня все дальше и дальше. Тот мужчина, которого я когда-то знала...

– Все нормально, Тесс?

– Нет, – говорю я. – Нет, Скотт. Ничего со мной не нормально, ты что, блин, не видишь?

У него повисает челюсть.

Лицо Скотта, когда-то такое знакомое, теперь совершенно чужое. Его крупный рот, сильный нос, светлые карие глаза, всегда такие добрые прежде. В которых я читала только желание и любовь. Теперь все это он дарит другой женщине. А я вызываю у него лишь... что? Жалость? Обиду? Гнев? Я – помеха, болтающийся конец из прошлого, который необходимо подвязать. Я вижу это по его глазам – до чего ему не терпится уйти отсюда. Поставить наконец точку. Сказать последнее слово. И уйти. С чувством выполненного долга.

Мы – то есть Скотт и я – пробовали завести еще одного ребенка. Он этого хотел, а мне это казалось предательством. Попыткой стереть из памяти наших умерших детей. Заменить их другими. Муж говорил тогда, что это поможет нам обоим исцелиться, направить свою любовь в новое русло. Рождение нового ребенка создаст новые воспоминания, которые исцелят прежние раны. Но по разным причинам этого так и не случилось, а потом и сам Скотт ушел из дома, и некому стало настаивать.

Не могу дышать. Не могу больше сидеть в этом баре, таком людном и жизнерадостном. Громкий смех и улыбающиеся лица повсюду. И самое ужасное, воздух вокруг меня пронизан неумолимой жалостью Скотта. Встаю на ноги и кручу головой по сторонам в поисках выхода: я вдруг забыла, где здесь дверь, вообще потеряла ориентацию в пространстве. У Скотта будет другой ребенок. Он полюбил другую женщину. Он меня бросает.

Теперь я понимаю, что ни на что больше не гожусь. Подумать только, решила, что если подстричься помоднее да натянуть юбочку посексуальнее, то и дело в шляпе – курам на смех! На самом же деле я старая развалина. Никому не нужная, ни на что не годная. И это не жалость к самой себе, это – реальность. Правда. Так разве ж могу я его винить? Громко всхлипываю, поворачиваюсь и бросаюсь бежать.

– Тесса, подожди! Нам надо поговорить!

Но я не могу даже оставаться рядом со Скоттом, мне надо выбраться отсюда наружу. На бегу хватаюсь за ворот свитера и оттягиваю его. Как в нем душно! И жарко. Все тело зудит. Я представляю его с той женщиной, из телефона. Не знаю, как она выглядит, но наверняка красивая. Элли. Я уже ее ненавижу. За ту жизнь, которая будет у нее. И которая должна была быть у меня.

На шатких ногах я вываливаюсь из бара на улицу. Скотт не пойдет за мной, пока не оплатит по счету, такая уж у него натура. Которая так бесит меня сейчас, что я готова визжать от злости. Но нет, я не буду стоять здесь и ждать, когда он явится и снова начнет доставать меня своими «ах, как мне жаль» и «извини». Не доставлю ему удовольствия успокоить за мой счет свою совесть. Я мчусь по улице, высматривая свободное такси. Через пару секунд вижу впереди оранжевый огонек. Выбрасываю вперед руку и делаю умоляющие глаза. Автомобиль подъезжает к тротуару, и я успеваю достаточно собраться с мыслями, чтобы продиктовать шоферу свой адрес.

- Уэйбридж-роуд, четырнадцать, Эн одиннадцать.

Таксист кивает, и я забираюсь на заднее сиденье.

- Тесса! - доносится сзади оклик Скотта.

Но я не оборачиваюсь.

- Поезжайте! Прямо сейчас, пожалуйста, - прошу водителя. - Он идет. Я не хочу, чтобы он...

Шофер жмет на газ, и мы уезжаем. Надеюсь, ему не приспичит со мной разговаривать.

- Все хорошо, милочка? - тут же раздается вопрос с переднего сиденья.

Я ловлю его взгляд в зеркальце заднего вида, киваю и отвожу глаза. К счастью, он ни о чем больше не спрашивает.

Скотт и Элли. Элли и Скотт. Скотт и Элли Маркхэм. Они ведь теперь поженятся - или нет? Конечно, поженятся. Со мной он разведется. Придется мне снова брать девичью фамилию. И все опять будет так, словно нас четверых никогда не было на земле. Он сотрет нас из своей жизни. Они поженятся, заведут премилую маленькую семейку, и все будут говорить: «Как хорошо все кончилось для Скотта! Он столько вынес, и, надо же, ему повезло, пусть со второй попытки, но он все же нашел свое счастье». А потом будут шепотом добавлять: «Жалко его бывшую - как там ее звали? Тесса, да, вот как. Жалко ее. Так и живет одна, бедняжка... Не оправилась после всего, что с ней случилось, да и как тут справишься, правда?»

Нельзя терять лицо. Только не в такси, не перед этим незнакомцем. Прижимаю кулак к губам. Надо удержать все в себе до тех пор, пока я не доберусь до дома. «Смотри в окно, - говорю себе. - Смотри на витрины магазинов, на бары и рестораны, на всех этих счастливых людей на улице. Не думай. Не думай о Скотте. О Скотте, Элли и их ребенке, таком хорошеньком, таком новом...»

Поездка в такси длится двадцать минут. Вообще-то для меня это слишком дорого, особенно после того, как я выкинула столько денег на стрижку и новую одежду, но толкаться сейчас в автобусе с другими людьми или целый час добираться домой пешком – нет, я бы этого не вынесла.

Пытаюсь заставить себя ни о чем не думать. Задавить чувство всепоглощающего разочарования. Чувство, что меня предали и унизили. Мысли мчатся в голове одна за другой. Прогнать их выше моих сил. Рациональная часть личности твердит мне, что мы со Скоттом фактически расстались еще год назад. Он больше не обязан обо мне заботиться. Но зачем же было так долго скрывать от меня эту Элли? Сколько раз я ему звонила, разговаривала с ним обо всем, думая, что мы все еще вместе, а он все это время отдалялся от меня, отвечал мне только из жалости... Бедная, глупая, надоедливая Тесса!

– Почти приехали, милочка, – говорит шофер. – Уэйбридж-роуд, так?

– Да, пожалуйста, – отвечаю я, не узнавая собственного голоса.

Водитель сворачивает с магистрали на мою узкую улицу, и я чувствую, как сердце во мне начинает ныть еще сильнее, если такое вообще возможно. Мне хочется выскочить из машины и бежать куда глаза глядят, лишь бы не быть здесь, не оставаться наедине со своими мыслями...

– Что это тут у вас? – говорит вдруг таксист и притормаживает, не доехав немного до моего дома.

– Нам дальше.

– Знаю, милочка. Посмотрите-ка на эту толпу. У вас в доме что, концерт «Уан дайрекшн»? Или Ее Величество пожаловала с визитом?

Я наклоняюсь вперед и через лобовое стекло вижу впереди толпу: люди запрудили весь тротуар перед моим домом и даже проезжую часть.

– Что там такое? – спрашиваю.

– Понятия не имею.

Мы ползем по улице со скоростью черепахи, постепенно подбираясь к толпе все ближе. Человек, наверное, тридцать, никак не меньше. Чем ближе мы подъезжаем, тем страшнее мне становится. Люди, видимо, услышав звук мотора, оборачиваются. Вспыхивают прожекторы. Я вижу фотоаппараты. Микрофоны.

– Журналисты, – говорит шофер. – Вы, часом, никого не прикончили?

– Черт, – бормочу я.

– Это вас они ждут, милочка?

Мы стоим уже прямо напротив моего дома, и наша машина как будто притягивает к себе журналистов, которые окружают ее моментально, как железная стружка – магнит. Какие-то физиономии таращатся на меня сквозь окна, затворы фотоаппаратов щелкают, точно выстрелы, и я невольно прикрываю сумочкой свое заплаканное лицо.

– Может, поедem куда-нибудь еще? – спрашивает шофер. – Не советую сейчас выходить.

Я начинаю разбирать голоса через стекло.

– Тесса! Расскажите нам о мальчике!

– Вы его похитили?

– Тесса, вы не хотите рассказать нам свою часть истории?

Видимо, они говорят о Гарри. Но как они узнали? И зачем они здесь? Идти мне больше некуда. К Скотту нельзя по понятным причинам. На работе сейчас уже все заперто, да и вообще я не хочу взваливать на Бена свои проблемы. Мои родители давно умерли, братьев и сестер у меня нет, близких друзей тоже не осталось – я всех оттолкнула от себя после потери Сэма. Не могу же я заявиться к кому-то из них сейчас и потребовать помощи и защиты...

– Сколько я вам должна? – спрашиваю таксиста.

- Двадцать семь фунтов, милочка.

Стараясь контролировать свое лицо, я протягиваю ему двадцатку и еще десять.

- Сдачи не надо, - прибавляю бесшабашно.

- Спасибо. Но я все же не советую туда выходить. Прямо стая волков какая-то.

- Ничего со мной не случится, - отвечаю я, сама себе не веря.

- Ну как хотите. Я постою пока здесь, прослежу, как вы до двери доберетесь.

- Спасибо. - Киваю, расправляю плечи и распахиваю дверцу такси. И оказываюсь физически не готова к такому напору человеческих тел вокруг. Шум, свет... Все это для меня слишком, и я едва нахожу в себе силы унять дрожь в коленях. Журналисты так плотно обступили меня со всех сторон, что я почти ощущаю их дыхание на своем лице и отчаянно пытаюсь не встречаться с ними глазами.

Иду сквозь них прямо вперед, дохожу до своей калитки. Дрожащими руками отпираю ее. Слава богу, они не могут войти за мной в палисадник. Только выкрикивают вопросы и щелкают фотоаппаратами мне в спину, пока я бегу к крыльцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/boland_shalini/taynaya-mat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)